

ДРУГИЕ
МИРЫ

Екатерина Богданова

АКАДЕМИЯ ВРЕМЕНИ

Annotation

Попасть в другой мир в далеком детстве и много лет быть рабыней — не самая лучшая судьба. Но однажды Юниле Нарисо наконец улыбается удача. Счастливое стечение обстоятельств — и вот, она уже студентка Академии Хроноса. Как тут не радоваться! А еще при поступлении у девушки обнаруживают сильный дар управления временем...

Однако радость Юнилы оказывается недолгой. Помимо воли ее втягивают в жестокое противостояние двух богов, свобода оказывается хорошо замаскированной клеткой, а таинственный правитель страны обвиняет в заговоре и решает приблизить девушку к себе. Чтобы отстоять свою свободу, остается только смело шагнуть навстречу тайнам, связанным с рождением Юнилы... и сразиться с тем, кого выбрало сердце.

Екатерина Богданова

Академия времени

© Е. Богданова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Юнила проснулась в невероятно хорошем настроении. Ведь сегодня был ее день рождения. Шестой день рождения по счету, но первый из тех, которые она уж точно запомнит! Ведь мама пообещала отвезти ее на аттракционы и даже заверила, что разрешит покататься на поезде Страшилок. А Юнила хоть и была трусишкой по натуре, но очень хотела похвастаться перед подружками, что и правда каталась на этом поезде. Не дожидаясь, пока мама придет в ее комнату и отправит умываться, Юна сама добросовестно почистила зубы, умылась и переоделась в приготовленное еще с вечера новое платье. С завязками вышла небольшая заминка, но девочка нашла выход, запихав их в карманы. Платье и без банта на поясе выглядело праздничным, под стать ее настроению.

Выходя из своей комнаты, девочка уже предвкушала, как будет в красках рассказывать подругам о невероятном приключении в царстве пиратов и кукольных монстров.

Мама сдержала обещание и, накормив Юнилу завтраком из ее любимых хлопьев с молоком и праздничным тортом, повезла дочь в парк аттракционов. Юна всю дорогу ерзала в детском кресле, и даже вид из окна автомобиля ее не радовал, так не терпелось девочке попасть в таинственные пещеры Страшилок.

Как мама и обещала, после того как они предъявили свидетельство о рождении, Юне дали билет на заветный аттракцион.

На этом и закончилась беззаботная жизнь маленькой девочки, попавшей в мир отнюдь не кукольных монстров и вынужденной быстро взрослеть перед лицом совсем не сказочных, а реальных опасностей.

Спустя двенадцать лет

— Юнила, поторапливайся! Господин просил горячую воду, а не чуть теплую, — прикрикнула мать, утирая пот со лба.

Юна поднатужилась и подняла бадью с кипятком. Ей предстояло отнести горячую воду на второй этаж, чтобы долить ее в ванну для господина Прожирани, и так уже наполовину заполненную кипятком.

Этот толстый господин имел одну весьма неприятную привычку — купаться в кипятке, так как думал, что это поможет его задубевшей от проклятия коже размякнуть и вернуть чувствительность. Юнила его и раньше побаивалась, а в последнее время господин еще и начал проявлять к ней излишний интерес. То подмигнет набрякшим, покрытым коростой веком, то по попе шлепнет. Юна понимала, чего он хочет, но не особо переживала, зная, что все его знаки внимания бессмысленны. Ведь огрубели и покрылись коростами все части его тела, так что господин Прожирани мог только смотреть на подросшую и округлившуюся в нужных местах девушку, облизываться и мечтать, что отмокание в кипятке когда-нибудь поможет ему вернуть былую силу.

Господин и сегодня не изменил своим привычкам, подмигнул, отчего исказилось его и без того страшное, покрытое корками лицо, а потом отвесил девушке весьма болезненный шлепок ниже пояса ороговевшей ладонью. Юна сдержала вскрик, поклонилась и вышла, оставив господина наедине с исходящей паром ванной. Усаживать его туда, а потом и

доставать будут уже мальчишки-подручные. Юниле же предстояло еще прибрать весь двухэтажный дом, отполировать серебро перед важным обедом и сходить на рынок за свежими овощами.

— Торгуйся до последнего, — наставляла девушку мать. — Нам нужно выкроить хоть немного монет на зимнюю одежду. Господин опять забыл выделить на нее обеспечение. И не смотри ни на кого. Держи голову опущенной, даже если будут приказывать ее поднять. Нам ни к чему внимание главенствующих.

— Я все помню, мама, — заверила девушка сильно постаревшую за последние годы мать.

Вот уже двенадцать лет они томились в рабстве у черствого — как телом, так и душой — господина Прожирани, второго поверенного при градоправителе города Антирона, что на границе двух государств, Амнистании и Родинарии. Родинария, к которой и относился Антирон, была жестокой страной, где правили рабство и коррупция. Амнистания же процветала благодаря своим ученым и волшебникам. Нет, родинарцы не страдали от нехватки магических сил, но они отвергали природные дары. Ведьмы, знахари и прочие волшебные меньшинства здесь были именно в меньшинстве и бежали, как крысы с тонущего корабля. Амнистания же привечала всех страждущих и давала им работу, кров и уверенность в завтрашнем дне.

Как же была права та маленькая девочка из далекого прошлого, что навсегда запомнит свой шестой день рождения! Ведь именно в этот день она лишилась всего, попав в волшебный, но далеко не сказочный мир, где царила несправедливость. Аттракцион Страшилок привез ее не куда-нибудь, а в другое измерение, навсегда отрезав путь к прежней беззаботной жизни.

Часть первая. Встреча

Я шла по красочной центральной улице города, украдкой разглядывая прохожих и проезжающих мимо в каретах. Мама запретила мне ходить по этой улице, потому что именно здесь можно было встретить главенствующих — правящую касту Родинарии. Но меня так манили красивые ухоженные лужайки, созданные с помощью волшебства картины на стенах похожих на сказочные замки домов и одетые в самые прекрасные одежды на свете господа и госпожи.

Вдруг прямо к моим ногам упала белая мужская перчатка.

— Юная прелестница, не подадите ли вы мне перчатку? Я уже стар и не хотел бы лишний раз спешиваться, — произнес кто-то сверху.

Я нерешительно присела, подняла надушенную вещицу и не глядя протянула вверх.

— Не думаю, что мой конь носит перчатки, но он ее непременно съест, если вы продолжите так настойчиво предлагать, — посмеиваясь, произнес господин.

Чуть не теряя сознание от страха, я подняла голову и остолбенела. Передо мной восседал на черном как смоль скакуне не кто иной, как сам градоправитель! Не такой уж и старый, каким представился, мужчина коварно улыбнулся и прошептал: «Попалась».

После чего спешился, схватил меня за руку и, привлекая внимание окружающих, громко воскликнул:

— Уважаемые горожане, прошу вас быть свидетелями! Эта невольная посмела украсть мою перчатку и оскорбить меня своим взглядом! Вы подтверждаете это?

Со всех сторон послышались возмущенные возгласы. Я вся сжалась и опустила голову еще ниже, боясь, что вот-вот в меня полетят камни.

— Благодарю вас, уважаемые! — продолжил представление градоправитель. — Я забираю воровку себе, чтобы привить ей уважение к высшим и отучить от воровства.

— Бедняжка, — прошептала проходящая мимо старушка с опущенной головой в невольничьей одежде — сером платье из грубой ткани. Такое же платье было надето и на мне — как знак принадлежности кому-то из знати.

— Кто твой хозяин, милашка? — в несколько раз тише, чем до этого, спросил градоправитель.

— Господин Прожирани, — обреченно ответила я.

— А я как раз сегодня загляну к нему на обед. Там и сговоримся, — радостно воскликнул мужчина. — Ты не бойся, я тебя не обижу. Подарю амнистанскому торговому послу в качестве отступного за недоплату пошлины. У них, говорят, для таких, как ты, рай.

— У меня мама, — пискнула я, — она тоже у господина Прожирани.

— Посмотрим. Если она имеет какую-то ценность, то и ее заберу, — неожиданно пошел навстречу градоправитель.

— Она знает счет, ведет всю бухгалтерию господина! — воскликнула я в надежде уговорить нового господина не разлучать нас с мамой.

— Так старый прохвост Прожирани не захочет с ней расставаться. Но я же его начальник, прикажу. Торговый посол оценит счетовода, наверное, даже больше, чем девицу, — улыбнулся мужчина. — Ты беги домой и обрадуй маму. В скором времени ваша жизнь кардинально изменится.

И я побежала, только не к маме, а на рынок. Я выбирала самые лучшие овощи, а на

оставшиеся монеты купила большой арбуз. Здесь эта ягода выглядела несколько иначе, но вкус был таким же волшебным, как и в воспоминании из далекого и теперь будто не моего детства.

С трудом притащив с рынка две полные корзины и арбуз, я сгрузила поклажу на кухонный стол и побежала к маме. Она в этот момент сервировала стол и сразу же насторожилась, заметив мое возбуждение.

Я сбивчиво рассказала ей о случившемся и минут пять терпеливо ждала, пока она отчитывала меня за непослушание.

— Но все же хорошо закончилось, — вставила я, едва мама замолчала, чтобы перевести дыхание.

— Время покажет, — покачала головой она. — Иди на кухню, овощи помой.

* * *

На обед к господину Прожирани пришли самые уважаемые господа Антирона. Все чинно расселись за столом и принялись за обед. Решать личные и городские вопросы они будут позже, за стаканчиком крепкой осицы — невероятно жгучего, но оставляющего сознание кристально чистым алкоголя. Сегодня мама запретила Юниле прислуживать в столовой. Ей хотелось самой украдкой послушать, о чем будут говорить господа. Была и еще одна причина — за последний год Юна сильно вытянулась и стала привлекательной девушкой с аппетитными округлостями, и Агуста, так звали мать Юнилы, не хотела, чтобы похотливые гости господина Прожирани положили на нее глаз.

Девушка томила в неведении, хлопоча на кухне и не решаясь послушаться строгого наказа. Но Юне так хотелось взглянуть на градоправителя и убедиться в том, что он не передумал, что все валялось из рук. Мама бранила ее каждый раз, как забежала на кухню за новым блюдом или приносила грязную посуду.

— Соберись, девчонка! Хочешь, чтобы господин продал нас на мельницу или в плавильни? — прошептала мать, сгружая в бадью тарелки и утирая пот со лба. — Не пришел твой градоправитель, обманул, а ты, глупая, и поверила.

По дому разнесся звук уверенного стука в дверь.

* * *

Не дожидаясь, когда мама отправит меня отпирать, я сама бросилась в прихожую и распахнула двери настежь.

— Смотрю, меня здесь ждали, — улыбнулся градоправитель, входя в дом. — Ну хоть ты мне рада. Я опоздал, ужин уже закончился?

— Пьют, — махнула я рукой в сторону каминной.

Мужчина, посмеиваясь, снял перчатки, потом плащ и отдал мне.

— Ты тихонечко проводи меня к маме. Мне нужно с ней потолковать, — тихо проговорил он.

Но шептаться не было нужды — из каминной доносился громкий смех, господа даже стука не расслышали. Я кивнула и повела градоправителя прямо на кухню, уж куда-куда, а

сюда господин никогда не захаживал.

Мама всплеснула руками и запричитала:

— Что же ты, дуреха, такого гостя — и в печной угол привела?

— Не ругай ее. Я сам приказал, — вступился за меня градоправитель, — слышал я, что у моего поверенного гениальный счетовод, но вот уж не думал, что это женщина, да еще и невольница! Покажи-ка мне, как ты счет ведешь.

— Сию минуту, — ответила мама и бросилась к буфету за расходной тетрадью.

Градоправитель полистал, почитал, качая головой да хмыкая, потом улыбнулся и проговорил, возвращая тетрадь:

— Ценный ты работник, к себе бы в ратушу забрал, да долг у нас большой по пошлине, придется амнистанцу отдать. Вы собирайтесь, а я с Прожирани переговорю. Лишнего не берите, больше двух дней у меня не пробудете, а там новый хозяин о вас позаботится.

* * *

Господин Прожирани был весьма недоволен тем, что придется расстаться со своими невольницами, но перечить градоправителю не решился. Только намекнул на премию, чтобы возместить убытки от покупки новых работниц.

Вечером Юнила и Агуста покинули дом, в котором провели двенадцать тяжелых, но по справедливости не таких уж и страшных, как могло бы быть, если бы они попали в другое место, лет.

От монотонного покачивания кареты, везущей их в дом градоправителя, Юна уснула, положив голову на плечо матери. Агуста смотрела в окно невидящим взглядом и гадала, что же принесет им завтрашний день. По щеке женщины скатилась слезинка, за ней еще одна.

— С днем рождения, доченька, — прошептала Агуста, погладив безмятежно спящую дочь по щеке огрубевшими от работы пальцами. — Возможно, этот день рождения принесет нам спасение... или гибель.

Юна пошевелилась, устраиваясь поудобнее, но не проснулась. Она в этот момент была очень далеко от Антирона, во сне вернувшись в то утро, когда собиралась на аттракционы.

* * *

— Приехали! — разбудил меня выкрик кучера.

Выбравшись из кареты, мы оказались на большом, залитом лунным светом дворе.

— Поторапливайтесь! — прикрикнул возница, отгоняя нас от кареты, чтобы увезти ее под навес.

Мы стояли перед входом в огромный, намного больше, чем у господина Прожирани, дом или даже дворец!

— Подержи, — сказала мама, передавая мне свой узелок с вещами. — Схожу разведую, что к чему.

И мама смело пошла к двери. Я же держала наши вещи и боялась даже пошевелиться.

— А это что у нас тут за красавица? — спросил высокий парень, выскакивая у меня из-за спины, как чертик из табакерки.

— Юнила, — представилась я.

— Родо, — ответил парень. — Я помощник конюха, а ты?

— А нас с мамой градоправитель собрался кому-то подарить, — призналась я.

— Ух ты! И кому же? — заинтересовался Родо.

— Я точно не знаю, но вроде бы какому-то амнистанцу, — пожала плечами.

— Везунчики, — протянул парень.

— Почему? — спросила я, поглядывая на дверь, за которой скрылась мама.

— Так у них же невольников нет! Вас подарят, а новый хозяин отпустит, — пояснил помощник конюха.

Отворилась дверь, из нее выглянула мама и позвала меня.

— До встречи, Родо, — попрощалась я и побежала к ней.

Нам выделили почти такую же комнатку, в какой мы с мамой жили у господина Прожирани. Две узкие, грубо сколоченные кровати, один стул, стол и два сундука у кроватей. Здесь только окно было чуть больше, чем в нашей прежней каморке. Но вид из него был такой же — на стену заднего двора. Нам ничего не объяснили, не сказали, что делать, просто оставили в комнате до распоряжений господина.

— Ложись спать, Юна, — проговорила мама, укладываясь на кровать прямо в одежде.

Я поступила точно так же, но спать совсем не хотелось. В душе, словно отголосок из детства, поднималось предчувствие чего-то волшебного.

— Мама, — позвала я.

— М-м-м? — вопросительно промычала она в ответ, даже не повернувшись.

— Как думаешь, у нас все будет хорошо? — спросила взволнованно.

— Спи, — приказала мама и добавила чуть позже на нашем родном языке: — У нас обязательно все наладится.

Мы очень редко говорили на родном языке. Господин Прожирани сильно бранился на это, и мама только изредка заставляла меня повторять слова, чтобы я не забыла речь недостижимой родины. Родинарский язык стал моим родным, маме же пришлось трудно в первые годы невольничьей жизни. Она два года училась и только после того, как разобралась с письменностью, стала вести бухгалтерию господина, до этого же ей давали самую тяжелую работу по дому, а из меня в то время помощница была плохая, и маме приходилось работать за двоих, чтобы меня не продали в подмастерья.

Так я и уснула, заблудившись в воспоминаниях о днях, когда была ребенком без детства.

Утром нас разбудила грубая женщина, назвавшаяся Донатой. Она принесла новую одежду и велела помыться.

— Приведите себя в товарный вид, замухрышки. А то опозорите нашего господина, — проговорила она напоследок и ушла. Через пару минут нам принесли бадью, два ведра холодной воды и маленький мыльный камень, один на двоих.

Принесенная Донатой одежда была просто великолепной по сравнению с нашими серыми бесформенными платьями. Мы помылись, оделись, заплели друг другу еще влажные волосы в косы и сели на кровати в ожидании дальнейших распоряжений. Ожидание продлилось долго. Уже наступил полдень, а за нами так никто и не пришел. Я очень хотела есть, но молчала, зная, что и мама голодна.

Только к вечеру опять явилась Доната и повела нас в господскую часть дома.

— Молчите и не поднимайте взгляд от пола, — наставляла она. — И не вздумайте все испортить. Не понимаю, что господин в вас нашел. Я ему столько лет исправно служила, а

он вас выбрал.

Женщина явно злилась на нас, но я никак не могла понять, чем мы так провинились.

Нас привели в просторный ярко освещенный зал, где уже сидели и распивали осицу господин градоправитель и еще один мужчина примерно того же возраста. Одет гость был не по местным обычаям, но говорил по-родинарски без акцента и осицу пил не хуже местных завсегдатаев таверн.

— А вот и мой сюрприз! — воскликнул градоправитель, вставая и широким жестом указывая на нас с мамой, испуганно остановившихся у двери. — Юная, не тронутая пороком красавица и одаренный, опытный счетовод, — представил нас градоправитель.

— Орторон, вы же знаете, что мы не приемлем рабства, — недовольно произнес гость.

— Я всего лишь предложил вам довольно ценный подарок, а как распоряжаться им — это уже ваше личное дело, — лукаво проговорил градоправитель. — Но... если вам это не интересно, я продам их на рудники. Там хоть и мало за женщин платят, потому что слабые, долго не протянут, но есть шанс получить пару горстей энергетических камней.

— Шантажируете? — усмехнулся гость.

— Ну что вы, нар^[1] Марино! Всего лишь говорю правду. Вы же знаете меня не один год, я не привык ходить вокруг да около. У нас есть некоторые денежные вопросы, решить которые необходимо во что бы то ни стало, но, к моему глубочайшему сожалению, Антирон сейчас переживает не лучшие времена в связи со сменой главенствующего рода, и у меня нет требуемой суммы. Вы же как истинный сын своей родины больше монет цените только жизнь, вот я и предлагаю вам две довольно ценные жизни, — вещал градоправитель. — Одна ценна своей молодостью и красотой, согласитесь — в Амнистании светлокожие голубоглазые девушки большая редкость. Вторая же, несмотря на то что женщина, образованна и великолепно разбирается в счетоводстве. Выбор за вами.

Гость встал, подошел к нам и приподнял мое лицо за подбородок.

— Не трогайте, умоляю, — прошептала мама, опуская голову еще ниже.

— Дочь? — спросил амнистанец.

Мама кивнула, инстинктивно отстраняя меня за свою спину.

— Откуда они? — спросил гость у градоправителя.

— А разве это важно? — небрежно отмахнулся господин Орторон. — Они ваши, если захотите.

— Мне важно знать, эти женщины были рождены в рабстве или захвачены? — пояснил амнистанец. — Если они не знали свободы, то вряд ли смогут приспособиться к вольной жизни.

— Мы были свободны! — неожиданно воскликнула мама, подняв взгляд и посмотрев прямо в глаза иноземца.

— Верю, — кивнул он. — А ты, дитя, ты помнишь вкус свободы? — обратился он ко мне.

— Плохо, но хотела бы вспомнить, — призналась я лишь после того, как получила тычок локтем в бок от мамы.

— Принимаю предложение, — принял судьбоносное для нас с мамой решение амнистанец.

— Замечательно! Закрепим сделку! — воскликнул градоправитель, подавая гостю рюмку осицы.

Вот так просто, за выпивкой, была решена моя судьба.

Ночью мы отбыли из Родинарии в далекую, полную загадок Амнистанию.

Дорога оказалась не такой долгой и тяжелой, как мы с мамой ожидали. В карете, где мы ехали одни, воздух был на удивление свежим и прохладным. А дорога казалась ровной, словно водная гладь в безветренный день. Мама даже смогла записать происходящее в тетрадь, решив завести дневник, «на всякий случай», как сказала она. О каком случае шла речь, я даже думать не хотела. Дело в том, что записи мама делала на нашем родном языке, чтобы я не забыла его, если напомнить будет некому.

Уже к следующему вечеру мы были в столице Амнистании. Нар Марино велел нам следовать за ним и повел в необычайно высокий дом, достигавший, наверное, самых небес. У меня закружилась голова от попытки рассмотреть, где же эта громада заканчивается.

— Здесь всего десять этажей, — улыбнувшись, произнес нар, заметив, как мы с мамой всматриваемся в небо. — Сейчас я устрою вас на ночь, а завтра решим с распределением, — загадочно проговорил он.

Мы во все глаза смотрели по сторонам, но все равно не успели рассмотреть даже часть окружающих нас чудес. Амнистания была словно другим миром, полным невероятного и волшебного. Очередным шоком для нас стала встреча с женщиной, цвет кожи которой напоминал шкуру лягушки.

— Здравствуйте, милые мои, — произнесла она, встречая нас в огромном холле здания.

— Это Ларминая, она о вас позаботится, — пообещал нар Марино, приветливо улыбнувшись странному существу.

— Как и всегда, — улыбнулась Ларминая в ответ.

Нар ушел, а мы с мамой жались друг к другу, боясь даже взглянуть на зеленокожую женщину.

— Ну что вы, милые мои, никогда не видели болотницу? — ласково спросила она и преобразилась прямо на глазах. Кожа приобрела мраморно-белый цвет, волосы стали шелковистыми и блестящими, а глаза манили, словно два омута.

— Не смотри, — приказала мне мама, и я мгновенно отвернулась.

— Не бойтесь. Я не использую свои чары во вред. Просто работа у меня такая — располагать к себе гостей столицы, — заверила нас Ларминая. — Идемте, устрою вас со всеми удобствами.

Прекрасная в своих чарах и ужасающая в истинном облики, болотница провела нас к некоему сооружению, поднимающемуся и опускающемуся через всю высоту здания, предложила войти и пояснила:

— Это подъемная платформа, она работает только по достижении определенного весового порога... И перестает действовать, если этот порог превысить. У нас на днях такая китовица гостила, что ее даже грузовой подъемник для особо почитаемых не поднял, — болотница так увлеченно рассказывала о тяготах жизни большевесных дам, что провезла нас на этаж выше, чем требовалось.

— Ой, прошу прощения, — извинилась она и, сложив пальцы в причудливую фигуру, отправила подъемник обратно, вниз.

— А вот и ваш этаж! — радостно объявила Ларминая, как только открыла тонкокованную дверь подъемника. — Сейчас подберем вам подходящие комнаты, и можете устраиваться на ночь. Утром принесу вам завтрак и обо всем поболтаем. Ну а сейчас отдыхайте, — покровительственно добавила она, указывая на две находящиеся рядом двери.

— Я бы не хотела разлучаться с дочерью, — осмелилась противиться мама.

— Да как пожелаете! — воскликнула болотница и распахнула перед нами дверь напротив тех, которые предлагала до этого.

Это были поистине господские хоромы! Две высокие красивые кровати были покрыты белоснежными простынями, пол устилал настоящий ковер, какие мне приходилось видеть только в спальне и гостевых комнатах господина Прожирани, а стены и потолок были обиты настоящим набивным шелком! В центре комнаты располагался низкий стол, на котором стояла ваза, наполненная разнообразными диковинными фруктами.

— Чувствуйте себя как дома, — пожелала Ларминая и быстро удалилась, оставив нас одних в непривычно роскошных комнатах.

Здесь даже была отдельная комната для омовения с большой ванной и трубами, по которым текла вода. Водопровод — всплыло из памяти давно забытое слово. У мамы в глазах стояли слезы, когда она поворачивала вентили на кранах, чтобы набрать в ванну воды. Мы мылись по очереди, каждая в чистой воде, не экономя и не боясь быть наказанными за желание приблизиться к господам. Потом полночи разговаривали на родном языке. Мама рассказывала о водопроводе, электричестве и других достижениях нашего мира. Здесь, к слову, электричества не было, его заменяли подвешенные под потолком шары, которые давали яркий свет, если произнести нужные слова. Их сказала, а потом и записала на листке девушка, представившаяся горничной, когда для чего-то принесла нам еще четыре полотенца и газету.

Мама схватила несколько больших нескрепленных исписанных листов и не произнесла ни слова до тех пор, пока не прочитала все, что было на них написано.

— Невероятно! Они на несколько веков обгоняют в развитии Родинарию! — восторгалась мама, показывая мне оживающие по волшебству картинки на страницах газеты. Я смутно помнила жизнь до шести лет, но, по-моему, у нас картинки в газетах не шевелились.

— Мы попали в цивилизованный мир, где каким-то невероятным образом сочетаются магия и технологии, — произнесла мама, прижимая к груди газету. — Это поистине судьбоносный день. Вернее, судьбоносным был твой восемнадцатый день рождения.

Такой счастливой я маму еще никогда не видела. Возможно, и видела, но я этого не запомнила, потому что была еще совсем маленькой.

Утром вернулась энергичная, как назвала ее мама, болотница, Ларминая. Она принесла нам целый поднос господской еды и велела хорошенько подкрепиться.

— Не торопитесь, нар Марино придет за вами только к полудню. Мы даже успеем приодеть вас, — щебетала она, заботливо расставляя тарелки и чашечки на столе.

В этот момент мама заплетала мои волосы.

— Ну зачем же вы стягиваете в канат такую красоту? — всплеснула руками болотница, расплескав сливки и слегка позеленев, наверное, от возмущения. — Распустите их, перекиньте через плечо, и пусть парочка прядок падает на розовую щечку.

Ларминая подошла, потеснила маму и сама сделала так, как советовала.

— Ты невероятно экзотичная, в гимназии Мгновений у тебя отбоя от поклонников не будет! — радостно сообщила она, похлопав в ладоши. — А может быть, нар Марино даже выбьет для тебя местечко в академии Хроноса. Я плохо чувствую потенциал, но если он обратил на вас внимание, то вы определенно одарены выше среднего.

— Нар Марино намеревается отправить мою дочь на обучение? — насторожилась мама.

— Конечно! И вас тоже. А как же иначе вы сможете стать полноправными членами общества! — объяснила Ларминая таким тоном, словно разговаривала с маленькими несмышлеными детьми. — Никто в Амнистании не остается без образования и работы. Как говорит наш всесильный и глубокоуважаемый нарай Амниос Хроно: «Только в неустанном труде мы познаем истинную ценность времени». А для того, чтобы плодотворно трудиться на благо Амнистании, вам необходимо получить образование.

Болотница так открыто и завораживающе улыбнулась, что мне сразу захотелось поскорее получить образование, чтобы быть полезной.

— Мы будем рады обучаться там, где нар Марино посчитает нужным, — произнесла мама, кивая.

— Вот и чудно! А сейчас завтрак, — пропела Ларминая и приглашающе указала рукой на стол. — Чтобы хорошо учиться, вы должны быть сильными.

Мы послушно сели за стол и принялись за еду. Лишь спустя несколько минут после ухода болотницы мама отставила в сторону стакан со сладким соком и удивленно спросила:

— Что это было?

Я лишь пожала плечами, продолжая есть самый вкусный за всю мою жизнь завтрак.

Ларминая вернулась, когда мы уже покончили с едой и во все глаза рассматривали столицу новой родины из окна.

— А сейчас мы подберем вам новый гардероб! — радостно объявила болотница. — Идемте за мной, дорогие мои.

На причудливом подъемнике мы спустились в холл первого этажа, а оттуда прошли вслед за проводницей по длинному коридору к огромной, заполненной множеством разнообразной одежды комнате.

— Выбирайте все, что понравится, — произнесла Ларминая, обводя помещение широким жестом.

— Но у нас нет денег, чтобы оплатить одежду, — призналась мама. — Да и за жилье тоже заплатить нечем.

— Не переживайте, рассчитаетесь, когда устроитесь на работу, — отмахнулась болотница.

Такого восторга от нарядов я еще никогда не испытывала. Здесь были и платья, и блузы, и юбки, и даже штаны для женщин, разнообразных расцветок и длины. Вся одежда была добротно сшита, из хороших тканей и могла бы поспорить по красоте с туалетами родинарских господ. Мы с мамой выбрали по два платья и по три комплекта из блуз и длинных юбок.

— Нет, так не пойдет! — помотала головой Ларминая. — Сейчас я подберу вам что-нибудь повеселее.

В результате из гардеробной мы уходили с двумя огромными узлами.

— Уже почти полдень! — воскликнула болотница, когда мы вернулись в свою комнату. — Я побегу встречать нара Марино, а вы сложите одежду в дорожные сумки, они должны быть в шкафу.

Женщина убежала, а мы занялись тем, что она приказала сделать.

— Не будь такой зажатой, Юна, — говорила мама, складывая одежду. — Вспомни, как ты капризничала в детстве, если что-то тебе не нравилось. Я, конечно, не имею в виду, что ты должна капризничать, но тогда ведь ты не боялась высказывать свое мнение. Здесь от нас

ждут именно этого — смелости отстаивать свою точку зрения. И пообещай мне, что ни за что не согласишься на разлуку со мной.

— Как скажешь, мамочка, — согласилась я по привычке.

— Ты опять повинешься, а не соглашаешься или отказываешься, — вздохнула мама. — Я понимаю, что ты так привыкла и тебе проще повиноваться, но теперь мы свободны. Не забывай об этом.

— Я помню, мама, — кивнула я уверенно. — Но мне и правда не хочется с тобой расставаться.

Мы как раз успели сложить все вещи к приходу нара Марино.

— Вы готовы? — спросил он, поздоровавшись.

— К чему? — спросила мама в ответ.

— К новой жизни, разумеется, — улыбнулся нар.

— Готовы! — ответили мы в один голос.

— Значит, сейчас запишем вас и пройдем комиссию, чтобы выяснить потенциал. Вперед! — воодушевленно произнес нар Марино, указывая на дверь.

По дороге в визионную контору, которая отвечала за статистику населения, как объяснил нар, мы с мамой неустанно крутили головами, рассматривая красивые, но более строгие, чем в Антироне здания. Улицы были необычайно пустынные, но как только по городу разнесся колокольный перезвон, люди хлынули изо всех зданий, спеша в лавки и чайные, чтобы пообедать и вернуться к работе.

— Все должно быть подчинено порядку, ни одна минута не тратится впустую, — рассказывал Марино, ведя нас по широкой улице. — Те, кто работает на государственных должностях, обедают и отдыхают по общему графику. У других структур более гибкие правила, но время у нас все ценят. Со временем вы во всем разберетесь.

Мама слушала и усмехалась, словно вспоминая о чем-то давно забытом, но знакомом с детства.

В конторе нас долго разглядывал высокий, смуглый, очень красивый мужчина с длинными молочно-белыми волосами и острыми ушами.

— Готово, — наконец-то произнес он. — Интересные ауры, слепки сделать будет легко, ни с кем не спутаешь.

— А теперь давайте решим с вашими именами.

— Я Юнила, — представилась я.

— А фамилия? — спросил нар.

— Яниссон, — ответила за меня мама. — Я Агуста Яниссон, а моя дочь Юнила, соответственно, тоже Яниссон.

— Имена довольно просты в произношении, но фамилия слишком разнится с местными. Может быть, немного поиграем с буквами, например Яниро или Нарисо? — предложил нар Марино.

— Яниро, — кивнула мама.

— А мне больше нравится Нарисо, — осмелилась я признаться.

— Решено, вы отныне нара Агуста Яниро, — проговорил нар Марино, — а ты, милая, — Юнила Нарисо. — После чего повернулся к сидящей за столом пожилой женщине со странными глазами, зрачки которых были словно затянуты бельмами, и распорядился: — Все запомнили? Подготовьте документы. Мы зайдем за ними через пару часов.

— Будет сделано! — бойко ответила слепая женщина.

— Ну а теперь на комиссию, там и определимся с вашим распределением. — Нар Марино отставил в стороны локти и произнес: — Нара, нари, прошу.

Мы с мамой взяли Марино под руки и отправились в свободное, манящее переменами будущее.

То, что нар назвал комиссией, оказалось чаепитием в причудливо обставленной гостиной пожилой госпожи, представившейся нарой Пифаро, — внештатным экспертом-бихевиористом нарая Амниоса Хроно.

Я честно попыталась понять, что это значит, но в результате беспомощно посмотрела на маму — в надежде, что она объяснит. Мама только плечами пожала.

— Они из Родинарии, нара Пифаро, — проговорил нар Марино, сидя за столом с чашкой чая в руках.

Мама тоже пила чай, а я так засмотрелась на причудливую мебель и заслушалась незнакомыми словами, что забыла об угощении.

— Сама вижу. Совсем девочки забитые, — проворчала нара. — Кабала никого не красит. Но по тебе, дорогая, — обратилась она к маме, — заметно, что ты долгое время была свободной. Дай-ка мне руку.

Мама протянула руку, и нара сразу же вцепилась в нее обеими руками.

— Хм, интересно, — пробурчала она, разминая пальцами ее ладонь. — Редкое ощущение... Наклонись поближе, дорогая.

Мама подалась вперед, женщина погладила ее по щеке и выдернула волосок у виска. Рассмотрела его, потерла между пальцами и даже на язык попробовала. Причмокнула, будто смакуя, покивала своим мыслям и проговорила:

— Есть небольшой дар, ведьминская кровь в роду была, но много поколений прошло. Развить, конечно, можно, но звезд с неба хватать не будет. Уровень ниже среднего. Другое направление ей ближе. Да — наука на первом месте, любит точность и порядок во всем. Думаю, гимназия Мгновений, направление — материи и часоведение.

— Я так и предполагал, — кивнул нар Марино. — Чутье подсказывает мне, что нас удивит юная Юнила.

— Сейчас посмотрим, — проворчала нара Пифаро, поманив меня рукой. — Не тушуйся, детка, я не обижу, — подбодрила она.

Помяв мою ладонь, так же как и мамину, женщина зажмурилась, как кошка на солнышке, улыбнулась и проворковала:

— Никак очередная нажитая к нам пожаловала.

— Вот и я почувствовал что-то особенное в этой девочке, — согласился нар.

— И что это значит? — спросила мама.

Ей никто не ответил. Нара Пифаро выдернула волосок и у меня из головы, попробовала его на вкус и уверенно объявила:

— Академия Хроноса, факультет контроля и управления.

— Уверены? — спросил нар Марино.

— Не спеши, — одернула его Пифаро, еще раз попробовала мой волосок и протянула:

— Ну, есть неплохие задатки для практических манипуляций, переплетения потянет. Возможно, даже в захватах и преображениях преуспеет. Пусть сама выбирает, обвыкнется и решит. Пока самовыражения никакого, но девочка сильная, еще заставит нас побегать.

Нара встала, потерла виски и ушла, не прощаясь, прошептав: «Устала я что-то, старею».

— Идемте, — произнес нар Марино, вставая. — Все, что нужно, мы узнали. Необходимо

забрать ваши документы и успеть подать заявления на поступление. Учебный год уже месяц как начался, чем быстрее вас зачислят, тем легче вам будет догнать остальных.

— Я никуда не пойду, пока вы мне все не объясните, — заявила мама, сложив руки на груди и даже не думая вставать из-за стола.

От неожиданности я тоже опустилась обратно на стул.

— Нара Агуста, я бы с удовольствием все объяснил вам, но боюсь, это займет много времени. Сложно передать несколькими фразами уклад и законы такого большого и сложного государства, как Амнистания, — терпеливо проговорил нар Марино. — Сейчас вам нужно знать только одно: у вас и вашей дочери достаточно способностей, чтобы пройти обучение в ведущих учебных заведениях столицы и впоследствии занять достойное место в нашем обществе.

— Из бессвязных речей чудаковатой хозяйки этого дома я поняла, что нас с дочерью прочат в разные школы. А я на такое не согласна! — возмутилась мама.

— Давайте обсудим это чуть позже, — вполголоса попросил нар.

— А я все слы-ы-ышу, — донеслось из соседней комнаты. — Поживи с мое, деточка, и не такой чудаковатой станешь.

— Мам, пойдем, — попросила я, потянув маму за рукав новой блузы.

— Но с дочерью я не расстанусь! — уперлась мама, вставая.

Наши документы были уже готовы. Они представляли собой маленькие книжечки в кожаном переплете. Открыв протянутую мне наром, я обнаружила на первой странице свой портрет. Дальше были перечислены все мои данные, вплоть до роста и веса, которые мне, к слову, никто не измерял.

— Берегите эти метрики, они очень важны, — наставлял нас Марино, выводя из здания визионной конторы.

— Что такое документы, удостоверяющие личность, мне прекрасно известно, — ответила ему мама. — А вот моей дочери нет. Поэтому-то я и настаиваю, чтобы мы жили вместе. Юна слишком далека от самостоятельной жизни. Ей потребуется моя помощь, чтобы привыкнуть.

— Нара Агуста, я понимаю ваше беспокойство о дочери, но вы не правы, — улыбнувшись, покачал головой нар Марино. — Только избавившись от вашей опеки, Юнила научится жить своим умом. Вы должны отпустить ее. Тем более что ваши университеты находятся на одной улице, и вы сможете вместе проводить вечера, помогать друг другу с самостоятельными заданиями. А вот, собственно, мы и пришли.

Нар Марино остановился, указывая на высокое, уходящее прямо к облакам здание с красивой резной вывеской над входом.

— Гимназия Мгновений, — прочитала мама.

Я стыдливо отвела взгляд, ведь мне за это время удалось прочитать только первое слово, и то с трудом.

— Здесь будете обучаться и временно проживать вы, нара Агуста, — проговорил Марино. — Учитывая ваш возраст и уже имеющееся по моим сведениям образование в сфере точных наук, срок вашего обучения составит два года. Этого будет вполне достаточно, чтобы постичь азы манипуляций с короткими временными промежутками и развить ведьмовские способности на бытовом уровне.

— И кем же я стану по окончании обучения? — спросила мама.

— Специалистом широкого профиля, — улыбнулся нар. — Место работы сможете

выбрать из списка вакансий.

— А мой возраст не будет помехой? — неуверенно поинтересовалась мама.

— Возраст — это всего лишь временной промежуток существования вашей телесной оболочки. Вам сейчас сложно это осознать, но со временем, как ни парадоксально это звучит, вы все поймете, — своеобразно успокоил ее нар Марино.

В здании нас встретил низкорослый мужчина среднего возраста в темно-зеленом причудливом костюме с большими пуговицами, шляпе такого же цвета и ботинках с огромными пряжками.

— А кто к нам пожаловал! — воскликнул он, подпрыгивая на месте. — Никак нар Марино вернулся из поездки с очередным уловом! Нашли что-то особенно ценное?

— Рад встрече, нар Монто, — поприветствовал его Марино. — Вот, привел вам новую ученицу. Познакомьтесь, нара Агуста Яниро. Прошу оказывать наре посильную помощь в адаптации. Она из Родинарии.

— А, понимаю, — протянул странный человечек, — прозорливые экономные родинарцы любят использовать человеческий труд задаром. Но я конечно же их осуждаю! — спохватился он.

— Все еще боретесь со своей натурой? — с усмешкой спросил нар Марино.

— Что ж тут поделать, уж такие мы, лепреканы, — пожал плечами человечек.

— Что не мешает вам быть одним из лучших директоров в образовательной структуре Амнистании, — произнес Марино. — А это дочь вашей новой студентки, нари Юнила Нарисо. Она будет обучаться в академии Хроноса. Позвольте наре Агусте проводить свободное от обучения время с дочерью, разумеется, до отбоя в общежитии. Это моя личная просьба.

— Для вас, разлюбезный нар, все что угодно! — раскланялся лепрекон. — Сочтемся.

— Как всегда, — улыбнулся Марино.

По зданию разнесся резкий громкий звук, наподобие трубного гудения, и отовсюду слышалась разноголосая речь.

— Идемте в мой кабинет, пока мои сорванцы нас не затоптали, — позвал лепрекон Монто. — Оформим все чин по чину и скрепим сделку сладким элем.

— Нар Монто, — укоризненно покачал головой Марино.

— Прошу прощения, — сдержанно произнес лепрекон.

Мама заполнила форму для поступления на второй курс, отделение «Материи и часоведение» гимназии Мгновений, с факультативными занятиями по развитию ведьминского дара. Директор Монто вызвал коменданта общежития, приветливую молодую ведьму, как пояснил он, прежде чем она пришла, и препоручил маму ее заботам.

Нар Марино пообещал, что сумку с мамиными вещами доставят в течение трех часов, тепло попрощался с лепреконом и повел меня к выходу. Я беспомощно оглядывалась на маму, будто нас разлучают навсегда.

— Пойдите! — попросила я со слезами на глазах. — А можно я тоже буду учиться здесь?

— Ну что вы, Юнила, — сокрушенно покачал головой нар Марино. — Я понимаю ваш страх перед самостоятельной жизнью, но вам уже восемнадцать лет, пора вступать во взрослую жизнь. Тем более что ваша мама сама не будет рада, если вы потеряете шанс занять высокий пост, отказавшись от престижного образования. Так ведь, нара Агуста?

— Иди, милая. Я обязательно приду к тебе сегодня же вечером, — проговорила мама. —

Ведь вы меня отпустите? — спросила она у нара Монто.

— Конечно-конечно! — пообещал лепреккон.

И меня вывели из кабинета, а потом и из гимназии. Я все время оборачивалась и примечала окружающие нас здания, чтобы запомнить дорогу к месту, где теперь будет жить моя мать.

Нар Марино не обманул: академия Хроноса действительно находилась дальше по улице, всего в паре десятков домов от гимназии Мгновений. Я специально посчитала здания, в основном какие-то конторы и две чайные, приютившиеся в промежутках между высокими строениями.

Академия Хроноса выглядела совсем не так, как гимназия. Это был большой, словно перенесшийся из сказки белый замок с островерхими башенками, соединенными между собой переходами, будто мостами, резными окнами, балконами и дивным садом, в густой зелени которого утопали нижние этажи.

— Добро пожаловать в академию Хроноса! — объявил привратник, распахивая перед нами большую решетчатую калитку.

— Благодарю, — сдержанно ответил Марино.

— Если вы пожаловали с добрыми намерениями, то ступайте и придете туда, куда следует, если же нет, то... — привратник монотонно читал по бумажке, и, наверное, еще долго бы это длилось, потому что листок был почти полностью исписан, но нар Марино его прервал.

— Должно быть, вы недавно здесь работаете, милейший. Позвольте представиться, министр торговли и вербовки нар Донато Марино. Я довольно часто бываю в стенах этого заведения и прекрасно знаком с местной системой безопасности, — проговорил он и повел меня по петляющей между деревьями дороге к замку.

Я следовала за ним, опасливо озираясь по сторонам.

Дорога, выложенная белым камнем, вилась меж высоких кряжистых дубов, удлиняя путь до замка вдвое, если не больше. Когда мы добрались до широкого крыльца, нар Марино остановился у первой ступени, снял с левой руки перчатку и положил ладонь на широкие, выщербленные временем каменные перила. Мне показалось, что из-под ладони нара вырывается легкое свечение, но моргнув, я уже не увидела ничего особенного.

— Милая, приложи руку к камню, чтобы академия проверила и приняла тебя, — проговорил Марино, ступив на лестницу и надевая перчатку.

Мне пришлось пересилить страх и прикоснуться к неожиданно теплomu и приятному на ощупь камню. Но стоило моей ладони коснуться перил, как ее опалило нестерпимым жаром. Вскрикнув от боли, я отдернула руку и отскочила от ступеней, на которых вдруг появились свернувшиеся в клубки и изогнувшие свои длинные тела в причудливые узоры змеи. Их было не меньше дюжины, шипящих, расправивших цветастые капюшоны, поблескивающих бронзовыми бусинами глаз гадов.

— Что за несуразица! — всплеснул руками нар Марино. — Подожди меня здесь, дорогая. Сейчас мы разберемся с этой неприятностью.

То, что нар назвал неприятностью, сейчас недружелюбно взидало на меня дюжиной пар глаз, демонстрируя сверкающие капельками яда кривые клыки. А я стояла как вкопанная и боялась даже пальцем пошевелить.

— Парадокс какой-то, дорога пропустила, а лестница ни в какую, — ворчал Марино, поднимаясь по ступеням.

Когда нар скрылся из виду за большой резной двустворчатой дверью, которую ему отворил высокий худощавый бледный мужчина в черном костюме, я уже даже и дышать боялась, не отрывая взгляда от танцующих манящий танец гнущихся на ветру колосьев змей.

Казалось, прошла уже целая вечность, а нар Марино все не возвращался. У меня начала кружиться голова, но отвести взгляд от змей сил не было. Они словно подзывали к себе, и только страх держал меня на расстоянии. Змеи шипели и раскачивались, я смотрела на них и постепенно забывала о том, как здесь оказалась, зачем пришла и кто я вообще такая. В чувство меня привел громкий звон, доносящийся, казалось, со всех сторон.

Резкий звук резанул по ушам, и я чуть не упала, потеряв незримую, но такую сильную связь со змеями. И наверняка упала бы, если бы меня не подхватили двое парней, приближение которых я даже не заметила. Так же, как и вернувшегося нара Марино, который привел с собой низенькую сгорбленную старушку в меховом манти, наполовину скрывающем ее сморщенное лицо.

— Кто тут у нас-с-с? — растягивая шипящие звуки, проскрежетала старуха, окидывая меня цепким взглядом не по возрасту ясных бронзово-карих глаз.

Змеи зашипели еще громче, повернув головы на звук ее голоса.

— Чш-ш-ш, милые, не ш-ш-шумите, — ласково проворковала старушка. — С-с-спите до поры.

И змеи, все как одна, растаяли, словно их и не было!

— Кого ж-ш-ше ты привел мне, друг любез-с-сний? — спросила старуха, обращаясь к нару Марино, подошедшему ко мне и обеспокоенно всматривающемуся в мои затуманенные воздействием змей глаза.

— Не шипи, Ишаро, — беззлобно одернул ее нар.

— Извини, забыла перестроить голосовые связки, — совершенно обычным голосом ответила старушка. Я взглянула на нее и подумала, что все еще не оправилась от змеиного колдовства — передо мной стояла красивая женщина не старше моей матери, поправляя на плечах меховое манти.

— Нар Каробо Ишаро, позвольте представить вам новоиспеченную амнистанку, нари Юнилу Нарисо. Одну из нажитых нашего драгоценного нара Амниоса Хроно, — церемонно представил меня нар Марино.

— Еще одна?! — воскликнула нара Ишаро. — Я с двумя-то справиться не могу, а ты мне третью притащил!

— О, эта девушка не доставит тебе хлопот, дорогая Каробо. Юнилу до недавнего времени жила в Родинарии, была невольницей. Так что все в твоих руках, — посмеиваясь, проговорил Марино и повернулся ко мне: — Юнилу, позвольте представить вам ректора академии Хроноса, одну из выдающихся женщин Амнистании — нару Каробо Ишаро. Именно она, наряду с другими лучшими преподавателями столицы, поможет вам овладеть дарованными по праву рождения магическими способностями.

— Не забивай девочке мозги словоблудием, Марино, — подала голос ректор Ишаро. — И вообще, беги по своим делам, мы тут сами разберемся, кто, кого и чему будет учить. Иди ко мне, деточка. Не бойся — я не кусаюсь в человеческом облики.

От последних слов ректора по всему телу прошла дрожь страха, и я отступила за спину нара Марино.

— Мда, запущенный случай, — вздохнула Ишаро. — Ну да ничего, я тебя к самым пробивным подселю, быстро раскрепостишься. Марино, вон отсюда! Не мешай

педагогическому процессу! — прикрикнула она, отчего я вздрогнула и отступила еще на шаг.

— Ничего не бойтесь, милая нари, — напутствовал меня Марино и ушел, оставив на попечение внушающей страх женщины.

— Подойди, милая, — поманила меня рукой ректор Ишаро. — Ты родилась невольницей или тебя продали? — спросила она, когда я подошла к лестнице, но так и не решилась ступить на нее, боясь появления змей.

— Нас с мамой захватили, — ответила я, косо посматривая на следующих за мной парней.

— И где твоя мама сейчас? Осталась в Родинарии? — поинтересовалась ректор и тут же пояснила свой интерес: — Если так, то даже думать не смей о том, чтобы выкрасть ее. Нам не нужны международные конфликты из-за неосмотрительных поступков молодых дарований.

— Мама в гимназии Мгновений. Нар Марино пообещал, что мы сможем с ней видеться, — рассказала я.

— Интересно, — протянула Ишаро. — И с чего это наш министр так раздобрился? Ну да ладно, разберемся. За мной, будущая вершительница судеб!

И ректор пошла вверх по лестнице, даже не взглянув на меня.

— Вперед, мелочь, — подтолкнул меня в спину один из молодых людей, стоящих позади.

Пришлось пересилить страх и последовать за ректором. Змеи вопреки моим ожиданиям в этот раз не появились, и я без проблем добралась до дверей. Возле входа в замок стоял высокий бледный мужчина, который открывал двери для нара Марино, и я бы не обратила на него внимания, если бы он не улыбнулся, обнажив два больших клыка, и не начал принюхиваться ко мне. Обойдя странного и наверняка опасного типа, я догнала ректора Ишаро и спросила:

— Мне нужно подписать заявление?

— Секретаря сейчас нет на месте, так что с бюрократическими нюансами разберемся позже, — отмахнулась нара. — Ты мне лучше вот что скажи: как ты относишься к болотной нечисти?

Я вспомнила добродушную приветливую болотницу Ларминаю и честно ответила:

— Хорошо.

— Вот и замечательно, — заверила меня ректор. — Далиус! — прокричала она на весь огромный холл замка. От ее крика заколыхались огоньки множества висящих прямо в воздухе вдоль стен свечей.

— Да, моя нара, — откликнулся голос откуда-то сверху.

— Посели новенькую к Колоро Сумарино и позаботься о ее расписании. Первый курс, факультет пока не определен, — проговорила ректор Ишаро и стремительно удалилась за одну из множества дверей.

Я поспешила за ней, но дверь оказалась заперта.

— По лестнице на четвертый этаж, — произнес все тот же голос из ниоткуда. — И поживее, у меня дел невпроворот!

— Раскомандовался, — прошептала я себе под нос.

— Я все слышу, студентка, — прогрохотало прямо у меня над головой.

Я пригнулась и побежала по лестнице.

— Так-то лучше, — довольно протянул голос.

Широкая лестница с резными перилами казалась нескончаемой, в доме господина Прожирани было всего два этажа, а здесь я сбилась со счета, сколько прошла пролетов, и пошла бы дальше, если бы таинственный голос не окликнул.

— Куда пошла, бестолочь! — прикрикнул он, и я покорно вернулась на пару ступеней, чтобы зайти в большой зал, из которого в разные стороны расходились четыре коридора.

— В крайний левый сворачивай, — приказал голос.

Я свернула, но, видимо, не туда, потому что передо мной прямо в воздухе появился призрачный силуэт и ворчливо произнес:

— И откуда вас только берут, таких бестолковых? Я же сказал — в левый, а ты куда прешь?

— В левый, — ответила я, медленно сползая по стене.

— От меня в левый, а не от тебя! — рявкнул призрак.

— Так я... я... я же вас не видела, — пролепетала я, жалея о том, что не могу просочиться сквозь пол.

— Пошли уже, непутевая, — махнул рукой призрачный силуэт и поплыл в сторону правого коридора. — Ну, ты долго еще будешь плитуса протирать?

— Иду-иду, — заверила я его, продолжая сидеть у стенок.

— А ну встала и пошла заселяться! — гаркнул призрак, и я мгновенно нашла в себе силы подняться.

— Вещички где? — поинтересовалось привидение.

— Наверное, пришлют, — неуверенно ответила я, идя следом за ним.

— Ясно все с тобой, бесприданница, — проворчал призрак.

Коридор, по которому мы шли, вернее, я шла, а призрак плыл в локте от пола, казался бесконечным. Но вот привидение остановилось возле одной из дверей, на которой были криво прибиты четыре металлические цифры — четверка, пятерка, шестерка и семерка, отделенная от остальных цифр металлической же пластинкой с изображением облачка, перечеркнутого крестом.

— Будешь жить здесь, — ворчливо проговорил призрак. — Женщины... Все боятся, что кому-то нужны их жалкие тельца.

Мне на голову что-то упало, больно ударив прямо по темечку, и привидение исчезло. Посмотрев на отскочивший от головы предмет, я поняла, что это ключ. Подняла его и примерила к замочной скважине указанной комнаты. Дверь без труда открылась, а то, что я увидела за ней, сложно было назвать жилой комнатой. Это была свалка! Всюду валяющиеся одежда, книги, остатки пищи и грязная посуда, листья и ветки, словно это был лес, а не дом, перья огромной цапли, стоящей посреди помещения, и много чего другого делало эту комнату непригодной для жизни.

— Добро пожаловать, — сказала я самой себе и закрыла дверь, отрезая путь к отступлению.

Цапля повернула голову набок и посмотрела на меня черным глазом.

— Надеюсь, ты не Колоро Сумарино? — обреченно спросила у птицы.

Цапля не ответила, и это давало надежду, что не она моя соседка. После встречи с привидением, занимающимся расселением студентов, я не удивилась бы уже ничему, даже птице, учащейся в академии.

В комнате было две кровати, одна из которых оказалась расправлена и смята, словно на ней прыгали и баловались дети. Именно так выглядели постели племянников господина

Прожирани, когда мальчики приезжали погостить. Вторая же была погребена под ворохом всевозможного хлама.

— И здесь мне придется спать, — пожаловалась я цапле.

Птица продолжала внимательно следить за мной, но попыток познакомиться не делала.

— Наверное, хозяйка всего этого разозлится, но я приберу здесь немного. Ты не возражаешь? — спросила я у цапли.

Цапля не возражала — еще бы, это же была просто птица! И я занялась уборкой. Личные вещи соседки складывала аккуратной кучкой у ее кровати, все остальное постаралась расставить по местам, насколько это было возможно. Для большого гнезда, двух пустых аквариумов и стоящего прямо на столе повядшего куста болотной осоки места не нашлось. Но выкидывать эти вещи я не решилась, да и не знала, куда их можно выбросить, а потому оставила на столе. Только осоку поместила в один из аквариумов и землю, насыпавшуюся с ее корней, сгребла туда же.

Дверь отворилась в тот момент, когда я поправляла покрывало на своей освободившейся кровати. Один его край был испачкан начинкой от пирога, заплесневелый кусок которого я выбросила в большую кучу мусора, образовавшуюся у двери.

— Это что тут такое?! — возопила низенькая зеленоволосая девушка в коротком зеленом платье и полосатых чулках разных оттенков зеленого. — Ты кто вообще такая? Убирайся из моей комнаты!

— Извините, но мне некуда идти. Призрак сказал, что теперь я буду жить здесь, — ответила я, следя за каждым жестом разгневанной девушки.

— Какой еще призрак? Я согласия не давала! — продолжила возмущаться моя соседка.

— Тот, который привел меня сюда. Кажется, ректор Ишаро называла его Далиусом, — пояснила я, как могла. Ведь я и сама мало что понимала.

— Так ты новенькая, что ли? — наконец-то догадалась зеленоволосая красавица. — Вот чудачка! Хранителя замка призраком назвала! Хорошо, что ему в девчачьи комнаты путь закрыт, а то если услышит — обидится. Изживет вконец. С ним кто-то из мальчишек поссорился, так потом и перевелся в другую академию с обгоревшими волосами да переломанными пальцами. И главное что? Все увечья сам себе нанес, по неосторожности. Только знаем мы, что хранитель эти неосторожности и подстроил.

Девушка закрыла за собой дверь, бросила сумку с книгами прямо на пол возле так и стоящей посреди комнаты цапли и прямо в обуви улеглась на свою расправленную кровать.

— Да ты не тушуйся, я добрая, — заявила она. — Только порядки тут свои не качай, а то устроила мне бардак. Я ж теперь здесь ничего не найду. Меня, кстати, Кико зовут. А тебя?

— Юнила, — представилась я. — А разве не Колоро Сумарино? — спросила с таким трудом выученное имя. Все время, пока наводила в комнате порядок, я проговаривала его шепотом, чтобы не забыть и не обидеть ненароком девушку.

— Нет, мне это имечко не нравится, от папочки заморского досталось. Все меня Кико зовут, Ки — потому что я кикимора, а ко — так уж и быть, первые буквы от имени оставила, — рассказала Кико, наконец-то вспомнив, что она в уличной обуви, и сбрасывая туфельки с ног. — А ты, значит, у нас Нилка?

— Мама меня Юной зовет, — прошептала я, как замороженная рассматривая маленькие ножки с ярко-зелеными ноготками и прозрачными перепонками между аккуратными пальчиками.

— Нравится? — спросила Кико, пошевелив пальцами и продемонстрировав, как

перепонки складываются и расправляются.

— Я в Родинарии жила. У нас магические расы не в почете, так что почти никого и не видела, кроме магов да обычных людей, — проговорила я, продолжая следить за ногами настоящей кикиморы!

— М-м-м, — протянула Кико. — А к нам какими путями? По обмену, что ли?

— Нас с мамой нар Марино за льготы по пошлинам выменял, — ответила я.

— Да ты что! Так ты невольницей была? — удивилась соседка. — У нас в академии такое редкость. Здесь же только самые одаренные учатся, а какой толк с рабов? В рабы же самые бесполезные попадают.

— Мы не были бесполезными, — обиделась я. — Мама образованный счетовод, а я просто маленькая была, когда господин Прожирани нас нашел.

— И кто же вас таких одаренных потерял? — усмехнулась Кико.

— Мы сами потерялись, — пробурчала я, отвернувшись.

— Ты что, обиделась, что ли? — спросила кикимора, спрыгивая с кровати и танцующей походкой приближаясь ко мне. — Я же не со зла. Просто должна знать, с кем жить предстоит. Вдруг ты сумасшедшая какая-нибудь и задушишь меня ночью подушкой.

— С чего бы мне тебя душить? — спросила, в глубине души чувствуя, что эта мысль не лишена притягательности.

— Ну не знаю. Здесь многие не отказались бы повыдергивать мне волосы, — пожалала плечами Кико. — Хотя я никому ничего плохого не сделала, по крайней мере намеренно. Да ну их! Завидуют, наверное. А с тобой мы обязательно подружимся, мне враги под боком ни к чему, — заявила девушка, садясь рядом со мной и приобнимая рукой за плечи. — Смотри, как я умею!

И мне продемонстрировали вторую пару век, вертикальных!

— Знаешь, я вообще-то не против соседства, — продолжила болтать Кико, — только со мной почему-то никто жить не хочет. Ну, ты-то от меня не сбежишь, так ведь?

— Не сбегу, — улыбнулась я новой знакомой. Бежать мне некуда. Все, что я помнила и знала, было рабской долей невольницы, и возвращаться к прошлому я не собиралась.

— Вот и замечательно. Давай переодевайся во что-нибудь удобное, и пошли ужинать, — воскликнула кикимора.

— Мне не во что переодеваться. Так что я готова, — ответила я, вставая.

— Ну, на первый раз и так сойдет. А где твои вещи? — поинтересовалась Кико, разгребая ворох одежды. Не знаю, что она искала, но чистых вещей в этой куче точно не было.

— Нар Марино обещал, что пришлют позже, — сказала я, наблюдая за действиями девушки.

В результате ее стараний вещи опять были разбросаны по всей комнате. Понятно, почему никто не хотел делить с ней комнату!

— Нашла! — радостно воскликнула она, потрясая в воздухе мятыми тряпицами не первой свежести. — Сейчас почистим немного, и будет то, что надо.

Кико встряхнула вещи, потом лишь на миг их окутало голубоватое свечение — и вот уже в ее руках чистые, выглаженные короткие брючки нежно-салатового цвета и безрукавная блуза на тон светлее. Быстро переодевшись, кикимора натянула на ноги высокие, сделанные из причудливо скрученных в узоры тонких лиан сапожки, собрала зеленые локоны в высокий хвост, перевязав их сплетенным из сухой травы душистым шнурком, критически изучила

свое отражение в большом напольном зеркале и удовлетворенно кивнула.

— Пошли, покажу тебе самое посещаемое, а по мнению некоторых студентов, и самое важное помещение в академии, — поманила она меня рукой, открывая дверь.

Самым важным местом оказалась столовая — огромный зал с высокими потолками и большими окнами, в которые сейчас заглядывало вечернее солнце, рассеивая по стенам солнечные зайчики, отражающиеся от начищенных до блеска столовых приборов и хрустальных вазочек.

— Здесь все поделено на зоны, неофициально конечно, но мы стараемся не соваться на те участки, которые заняты другими, — рассказывала Кико. — Видишь в самом центре четыре стола, сдвинутые по два? Это белая зона — приторно-рафинированные, до дрожи правильные и отвратительно высокомерные «сливки» нашей академии. В основном маги, есть немного эльфов, драконов и представителей прочих породистых рас, но половина этих «золотых» детишек попала сюда не благодаря своей исключительной одаренности, как например я, а по протекции знатных родственников. Носы задирают так высоко, что того и гляди затопчут, неприятные личности. Да и не личности вовсе, а так — личинки. Вон в том углу, — мне указали на несколько стоящих особняком столов, — заседают синие. Почему синие? Да потому, что зубрят до посинения! Самые умные, прилежные и старательные студенты. За хорошую отметку готовы наизнанку вывернуться. А за похвалу преподавателя так и убить не погнушаются. С ними лучше не ссориться, а то кляузничать начнут. А перед зачетами так и подружиться можно.

— Ясно, — кивнула я, в действительности с трудом понимая, о чем речь.

— Так, дальше — правый угол оккупировали красные, самые опасные и недружелюбные, — продолжила Кико. — Там и оборотни, и гибриды, и какой только хищной живности нет. Они ни с кем особо не дружат, и им за это все благодарны.

— Значит, с сидящими за теми столами лучше не общаться? — уточнила я.

— Наедине оставаться не рекомендую, — категорично заявила Кико.

— А где ты сидишь? — спросила я, почему-то неотрывно следя за «красными» столами. Мне и самой это не нравилось, но какой-то молодой мужчина, занимающий центральное место за одним из столов, поймал и будто силой удерживал мой взгляд.

— Юна. Юна, посмотри на меня! — повысила голос кикимора, с силой разворачивая мое лицо к себе. — Ну ты и вляпалась, — прошептала она. — Это же наро Громиро, сынок военного министра. Он если взял след, не отступится. Жди гостей. Ой, так я же с тобой живу! Так это что получается? Он к нам в комнату припрется? Нет! Я на такое не согласна! А ну, отверни свою носяру от нее!

Кико так громко закричала, что все, кто был в столовой, обернулись на ее голос. Я густо покраснела и хотела убежать, но соседка схватила меня за руку и удерживала, продолжая общаться с неким наро.

— Отвернись, я сказала! Фу! Она неинтересная и вообще рыбой воняет! — разорялась Кико.

Тот самый мужчина, на которого она кричала, изогнул смоляно-черную бровь и продолжил изучать меня цепким взглядом изумрудно-зеленых глаз. Если это и был студент, то скорее всего выпускник. Он не походил на юношу, только начавшего обучение, а выглядел как вполне оформившийся взрослый молодой человек. Широкий разворот плеч и крепкое телосложение явно демонстрировали его недюжинную силу, а прямой взгляд говорил об

уверенности в себе.

— Ну ты, подруга, крупно влипла, — прошептала Кико, поняв, что ее крики не приведут ни к чему хорошему.

— Может, уйдем отсюда? — спросила я, стараясь больше не смотреть в сторону красной зоны.

— Без ужина? Да ни за что! — заявила Кико. — Нам сюда, в зону радуги, — указала она на часть столовой, заполненную беспорядочно расставленными столами, за которыми сидели юноши и девушки в ярких, кричащих одеждах наподобие костюма моей спутницы. — Здесь обитают те, кому плевать на условности и границы! Мы открыты для всего нового и не терпим правил. Я уверена, что ты здесь приживешься. Из рабынь да в бунтари! Это же так символично!

На ватных ногах я дошла до так называемой зоны радуги, заняла указанное Кико место и уткнулась взглядом в стол.

— Еда сама не появится, — усмехнулась кикимора, вкладывая в мои руки книжечку, появившуюся передо мной, как только я села. — Выбирай, что хочешь, и отмечай вот этой палочкой. Сейчас ужин, так что не больше пяти наименований.

Я заглянула в книжечку, прочитала короткое название «МЕНЮ» и поняла, что буду разбираться в этих надписях до полуночи.

— Выбери ты, — попросила соседку, возвращая ей книжечку и отворачиваясь, чтобы скрыть смущение.

— Откуда же мне знать, что ты любишь! — воскликнула Кико. — Я вот, например, предпочитаю суп из водорослей и рыбный пирог. А ты?

— Что-нибудь обычное, — пожалала я плечами, наклонилась к кикиморе и прошептала ей на ухо: — Наверное, мне то же, что у той девушки с голубыми волосами.

Напротив нас сидела невероятно стройная бледная девушка с водянисто-голубыми глазами, почти белыми губами и светло-голубыми длинными волосами. На ее тарелке лежало несколько кусочков белого мяса, ломтики какого-то фрукта или овоща, кожура которого имела длинные колючки и маленькие круглые ягоды черного цвета.

— Ты уверена? — переспросила Кико. — Это же мурена, а у них вкусы экзотические. К тому же сыроедение не все люди приветствуют.

Набравшись смелости, я вновь взяла книжечку, прикрепленную к ней серебристым шнурком палочку и отметила первые попавшиеся три надписи.

— И ты все это съешь? — удивилась соседка. — Тогда тебе просто необходим едкий сок, чтобы переварить такое количество каменных улиток и мясных сухарей.

Кико отобрала у меня меню и, отметив в нем еще два пункта, закрыла книжечку. В то же мгновение передо мной появился прикрытый крышкой прямоугольный поднос.

— Приятного аппетита, любительница экстрима! — пожелала мне соседка и принялась за буро-зеленую жижу со склизкими, длинными, похожими на червей вкраплениями.

Крышку с подноса я снимала с величайшей осторожностью, ожидая чего угодно, вплоть до пытающейся наброситься на меня живности.

Но на подносе я обнаружила лишь три тарелки, на одной из которых лежали жирно поблескивающие гладкие круглые камушки, на второй возвышались горкой сухие и очень твердые на вид кусочки чего-то сморщенного, а третья была лишь наполовину заполнена золотистым прозрачным бульоном с веточкой зелени в качестве украшения. На отдельном блюде источаледкий запах уксуса пенный соус. В довершение картины в центре подноса

возвышался большой стакан пузырящегося, словно кипятка, ядовито-оранжевого напитка.

— Ты улиток лучше сразу соусом помажь, чтобы хоть немного размякли, а сухари в червячный бульон брось, — посоветовала мне Кико.

— Какой бульон? — переспросила я.

— Червячный, — пожала плечами кикимора. — Ты же сама заказала бульон из пустынного червя. Мне он не особо нравится, песком отдает, но вкусы у всех разные.

И кикимора с явным наслаждением продолжила поедать бурую жижу с острым болотным запахом, от которой ее зубы окрасились в грязно-зеленый цвет.

Пробовать что-либо из мною же заказанного было откровенно страшно. Но я сильно проголодалась и пошла на риск, осторожно взяв один из сморщенных кусочков и отправив его в рот. Вкус у этого сухарика был мясной, но разжевать его я так и не смогла. В довершение к невероятной жесткости мясо было еще и очень соленым. Мне тут же захотелось пить, а кроме бурлящего сока, предложенного Кико, ничего не было. Пришлось во второй раз понадеяться на то, что в академии не предлагали ядовитых продуктов, и попробовать напиток. Он оказался неожиданно прохладным и приятным на вкус! Мне даже удалось проглотить сухарик, но только после этого я почувствовала сильное жжение в животе и не смогла больше ничего попробовать. Да я и не стала бы. Прикрыла блюдо крышкой, и оно тут же исчезло.

— А здесь есть обычная человеческая еда? — спросила я у увлеченной трапезой Кико.

— Ты вообще меню читала? Надо было открыть раздел традиционной кухни и выбирать оттуда. А ты зачем-то в блюда северной тролльей кухни полезла, — ответила соседка. — На вот, рыбного пирога хоть поешь.

И мне протянули тарелочку с приятно пахнущим, покрытым румяной корочкой куском пирога.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я. — А второй раз заказывать нельзя?

— Можно, для этого нужно выйти из столовой и опять войти сюда. Местные обжоры постоянно туда-сюда бегают, — прошептала девушка, словно это была большая тайна.

Сидящая напротив нас голубоволосая мурена горестно вздохнула и произнесла:

— А у меня совсем аппетита нет, засыхаю. Даже икры не хочу. — Девушка поковыряла ложечкой мелкие черные ягодки и подвинула тарелочку ко мне: — Может, ты поешь, я хоть посмотрю.

Настолько экзотического ужина в моей жизни еще не было! Я попробовала столько новых вкусных блюд, что и названия-то все запомнить не смогла. Стол, за которым мы сидели, был рассчитан на десять человек, и все места были заняты. Столько внимания и вопросов заставили меня растеряться, и отвечала за меня Кико. Я несколько раз пыталась прервать поток вымысла, который она выдавала вместо ответа на каждый вопрос, но кикимору было не остановить. К концу ужина все мои новые знакомые знали, что я беглая невольница из Родинарии. Правящие хотели преподнести меня как дар нараю Амниосу Хроно, но я умертвила стражников, сбежала на пограничной заставе и явилась в столицу как свободная нари. У меня обнаружили огромный дар и без вопросов приняли в академию Хроноса, но нарай знает, что я должна была достаться ему, и обязательно еще заявит свои права. Я слушала всю эту околесицу и с ужасом понимала, что теперь привлеку внимание каждого обитателя этого замка!

— А когда Юна, такая юная, красивая и одаренная, попадет во дворец нарая, она обязательно покорит светлоликого и станет нашей нараиной, — завершила Кико на высокой

ноте.

— У нас нараины уже лет сорок не было. Не выдумывай, — неверяще махнул рукой худенький паренек с огненно-рыжей шевелюрой и невероятными, того же яркого оттенка оранжевого цвета глазами.

— Не было — это не значит, что не будет! — авторитетно заявила кикимора. — Так что не встрей, Саламандрик.

— Я же просил не называть меня так! — зло прошипел паренек.

— Не кипятись, стол подпалишь, ящерка, — продолжила подстегивать его Кико.

— Ну, держись, болотная! — вскричал парень, вскакивая из-за стола.

В следующее мгновение его всего объяло пламенем, и щуплый, ниже меня ростом парнишка начал увеличиваться в размерах, превращаясь в огненного монстра. Все прекратилось так же быстро, как и началось. Горящего наро окутал пар, и он исчез, оставив после себя только подпаленный пол и небольшую парящую лужицу.

— Ох и влетит же ему сейчас, — трагично вздохнула мурена, поправляя голубые волосы.

— А так ему и надо. Не стоило мне перечить, — гордо произнесла Кико и потянула меня за руку к выходу.

Когда мы проходили мимо красной зоны, я опять поймала на себе пристальный изучающий взгляд зеленых глаз. Но в этот раз отвернулась без особых усилий, ведь Кико в этот момент дернула меня за руку, и мы вышли из столовой.

— Учти, если Громиро ночью заявится в нашу комнату, я могу и контроль потерять. Опущу всю академию в топь, и это будет на твоей совести, — строго глядя на меня, произнесла соседка. И она не шутила.

Я начала не только понимать, но и сочувствовать тем, кто хотел бы придушить Кико подушкой. Видимо, многим она здесь насолила.

Вернувшись в комнату, я обнаружила сумку с вещами на полу у моей кровати.

— Кто посмел?! — возмущенно воскликнула Кико. — Так и знала, что этот старый скряга нарушает запрет на посещение женских комнат! Ему что, табличка на двери не по глазам?!

— Какая табличка? — спросила я, не понимая, что именно так разозлило соседку.

— Вот эта! — распахнув дверь, указала мне кикимора на изображение перечеркнутого облака. — Это означает «Духу-хранителю вход запрещен».

— А почему ты решила, что дух был в нашей комнате? — спросила я, рассматривая значок.

— А по-твоему, сумка сама к тебе пришла, ножками? — всплеснула руками Кико. — Такими вещами дух заведует. Вот только он обязан был у двери сумку оставить, а не в комнату затаскивать.

— Даже если и зашел, не остался же, — пожала я плечами. — И не взял ничего.

— Да он на мою личную территорию без приглашения вторгся! Он на мое болото посягнул! Дома я его за один косой взгляд притопила бы, а здесь он неприкосновенный! — разорялась кикимора. — Ну ничего, я наре Идеро пожалуюсь. Она такой скандал устроит. Дух-то он, может, и бестелесный, а все равно раньше мужчиной был. Пусть пристыдят старичка за подглядывание.

— А если отомстит потом? — спросила я, вспомнив то, что сама же Кико меня и предупреждала о сложном характере хранителя.

— Мне? — засмеялась соседка. — Да он меня с прошлого праздника Времени стороной

обходит, после того, как я в ловушку его поймала и желание исполнить заставила. Обиделся, видите ли! Да он еще легко отделался, подумаешь, попросила изобразить танец живота при всей академии. Могла бы вообще потребовать слугой моим стать.

— И стал бы? — спросила я удивленно.

— Конечно! А ты что, не знала? Духа-хранителя почти невозможно поймать, но если удалось, то он обязан исполнить то, что прикажешь, — рассказала Кико. — Даже удивительно, что сегодня решился сюда войти... Слушай! Так это же он, наверное, из-за тебя! И что ты мне не рассказала о себе? На такое хранитель только по распоряжению ректора пошел бы. А перед обычной бедной невольницей Ишаро расшаркиваться не стала бы.

— Да нечего мне рассказывать, — пожала плечами. — Я и есть обычная невольница.

— Ну-ну. Посмотрим, — не поверила Кико.

— А что произошло с тем парнем в столовой? Он пострадал от огня? — сменила я тему.

— Пострадал от огня?! — рассмеялась кикимора. — Да он и есть огонь! Наш Саламандрик — представитель гордой расы огненных драконов. Только ты его видела. В семье, как говорится, не без уроды. Саламандрик — последыш, появился на несколько десятилетий позже своих братьев и сестер, вот и получился такой неказистый... пока не разозлят. Я как-то довела его на физзанятиях, и он обратился полностью. Краси-и-ивый. Ярко-оранжевый, горячий и шипы длиной с руку, — гордо поведала она.

— Зачем ты так с ним? — спросила я, не понимая жестокости кикиморы. Она получала удовольствие от издевательств над другими, над теми, кто слабее, пусть и не телом, и не может достойно ответить.

— Да ты что?! Это же любимое развлечение всех студентов. Нас же головастиками не корми, дай друг друга подводить, — развеселилась соседка. — Так что готовься и вливайся в дружный процесс взаимоиздевательства. Только к «красным» не советую соваться. Они любую попытку шалости в свой адрес жестко пресекают, порой даже с последующим отдыхом в лазарете. Хотя сами пошалить любят. А вот над «белыми» подшутить — сплошное удовольствие. Все равно из-за задранных носов ничего вокруг не замечают, пока не вляпаются в самый эпицентр шалости. Только попадаться им нельзя, из академии отчислить могут.

— А как вы развлекаетесь, когда не доводите друг друга? — поинтересовалась я, не собираясь присоединяться к излюбленному местному досугу.

— Доводим преподавателей, — заявила Кико, беря с подоконника кулек и вытряхивая из него прямо на пол несколько едва живых, слабо подергивающих лапками лягушек.

Цапля тут же оживилась и приступила к ужину.

— Ну вот, корм закончился. Пойдешь со мной ночью на болото лягушек ловить? — проговорила кикимора, отбрасывая опустевший кулек в сторону.

— А разве можно покидать территорию ночью? — спросила я, подбирая кулек и бросая его на кучу мусора.

— Нельзя, конечно. Но меня это никогда не удерживало, — гордо ответила Кико.

— Давай лучше уберем из комнаты весь этот мусор, — предложила я соседке, указывая на огромную зловонную кучу в углу.

— Зачем? Мне он не мешает, — пожала плечами кикимора.

— Ты просто объясни, куда здесь выносят мусор, и я все сделаю сама, — заверила я ее, подумав, что соседке просто лень.

— Да что ты так привязалась к этой куче? Говорю же, она не мешает. Но если так

хочешь, можешь выкинуть все в коридор. Хранитель уберет, ты же его любимица, — обиженно надула щеки Кико.

— А так можно? — спросила я неуверенно.

— Не знаю, но я всегда так делаю, когда накапливается столько, что ходить мешает, — безразлично ответила девушка.

Спросить совета мне было больше не у кого, и пришлось поступить так, как посоветовала соседка, — вынести все в коридор и сложить аккуратной кучей у стены.

Кико легла на свою кровать, отвернулась к стене и не разговаривала со мной. В результате я начала чувствовать себя виноватой и не выдержала.

— Если хочешь, я пойду с тобой на болото, — проговорила я, подойдя к ней и тронув за плечо.

— Конечно, хочу! — воскликнула кикимора, вскочив с кровати и буквально повиснув у меня на шее. — Давай-ка посмотрим, что там у тебя есть из одежды, подходящее для ночной вылазки, — воодушевленно проговорила она, прекратив душить меня в объятиях.

— Я как раз хотела положить вещи в шкаф, — согласилась я с соседкой.

В шкафу, как я и предполагала, одежды почти не было. На пыльных полках валялась какая-то засохшая трава, мутная жидкость в стеклянной банке и всяческий мусор. Пока я мыла шкаф, чтобы не испачкать свои вещи, кикимора вытряхнула все содержимое сумки на кровать и придирчиво изучала мои обновки.

— Вот это, пожалуй, пойдет, — рассуждала она, откладывая черные брюки из плотной ткани. — А это я у тебя позаимствую для выхода в город на выходных, — на кровать Кико полетела нежно-зеленая блуза. — А вот в этом можно на ковер к ректору ходить. Она любит, когда провинившиеся студентки изображают из себя раскаявшихся серых мышек.

Рассуждения кикиморы прервал стук в дверь.

— Ты кого-нибудь ждешь? — поинтересовалась Кико.

— Нет, — неуверенно ответила я.

— Вот и я не жду. Нас нет дома! — повысила она голос.

Стук повторился более настойчиво.

Соседка раздраженно взмахнула цветастой юбкой и пропыхтела:

— Да входи уже, кем бы ты ни был.

Дверь отворилась, и в комнату вошла очень высокая стройная женщина в коричневом костюме. Узор на длинной узкой юбке и облегающей рубашке имитировал древесную кору.

— Добрый вечер, нари, — растягивая слова, поздоровалась женщина.

— И вам, нара Одонт, — неохотно поздоровалась Кико.

— Я ваш куратор по учебной части, нара Аст Одонт, — представилась она.

— Да знакомы уже, — усмехнулась кикимора.

— А вы нари Юнила Нарисо? — проигнорировав язвительное замечание моей соседки, спросила женщина.

— Да, нара Одонт, — ответила я, слегка поклонившись.

— Нет-нет-нет, — погрозила пальцем нара. — У нас свободная страна и не принято кланяться. Разве что перед нараем Хроно, но его вы вряд ли когда-нибудь увидите. Но не об этом я пришла поговорить. Мне известно, что вы, Юнила, только недавно получили вольную и явно не учились в амнистанской детской школе. Поэтому, прежде чем влиться в общий поток студентов, вам придется пройти аттестацию. А для этого нужно прочитать пару книжек и разбудить ваш магический потенциал. Начнем, пожалуй, с книг, — куратор

повернулась к двери и приказала: — Рожгон, вноси!

В комнату, пригнувшись, протиснулся высокий здоровяк, осмотрел помещение единственным расположенным над переносицей глазом и пробасил:

— Куда положить?

— Да на пол бросай, — подсказала ему Кико.

Что здоровяк и сделал со стопкой книг.

— Прочитаете это и приходите ко мне. Я вас проэкзаменую по школьной программе. И не затягивайте, а то потом труднее будет догонять основную программу, — посоветовала нара Одонт, пожелала нам доброй ночи и ушла, поманив за собой одноглазого носильщика.

Книг оказалось не пара, а около десяти, и все они были в два пальца толщиной, но я сейчас думала не об этом.

— Кто это был? — спросила я шепотом у Кико.

— Она же сказала, куратор по учебной части, — пожала плечами девушка. — Или ты имеешь в виду, какой она расы? Так там все запутано, она из последних поколений энтов. Как видишь, со временем им надоело стоять истуканами в лесах, и лесные духи потянулись в города, постепенно очеловечиваясь. Эволюция не стоит на месте.

— А тот, с одним глазом? — все тем же шепотом спросила я.

— А, это циклоп. Этим тугодумам никакая эволюция нипочем. Ни мозгов, ни второго глаза отрастить так и не смогли, — возвращаясь к изучению выделенной мне Ларминаей одежды, пробурчала Кико.

Я взглянула на валяющиеся на полу книги и поняла, что в ближайшие две-три недели у меня не то что на болото сходить — поспать и поесть времени не будет. Обреченно вздохнула и, опустившись на колени, принялась собирать учебники.

— Да брось ты их! — посоветовала Кико. — Иди лучше сюда, будем тебя переодевать.

— Я никуда не иду, мне читать нужно, — грустно ответила я, складывая книги в стопку.

— Ты что, и правда собралась все это прочитать? — искренне удивилась соседка.

— Конечно. Ты же слышала, что сказала куратор. Если я не выучу все, что нужно, то не пройду аттестацию и не смогу здесь учиться, — проговорила я, складывая книги на стол.

Прочитав названия первых двух учебников, я поняла, что будут проблемы не только со скоростью, но и с содержанием. Половина слов мне были или вообще не знакомы или я их уже где-то слышала, но не знала значение.

— Так, даю тебе час на учебу, а потом — на свежий воздух, чтобы не перегружать память, — заявила кикимора.

Я ничего ей не ответила, читая заголовки остальных книг.

Быстро разложив вещи по полкам, взяла один из учебников и, забравшись на кровать, открыла первую страницу.

Спустя пять минут Кико подкралась ко мне и выдернула книгу из рук.

— Так я и знала! — воскликнула девушка. — Сколько можно сверлить взглядом одну страницу? Признавайся, ты просто не хочешь идти со мной за лягушками!

— Ну что ты? Я правда читала, — постаралась я убедить девушку. — Верни, пожалуйста, учебник.

— Пять минут читала состоящее из нескольких абзацев введение к «Основам хронологии»? — усмехнулась Кико. — А-а-а, я поняла! Тебе понравился кто-то из студентов, и ты размечталась, уткнувшись в книжку! Со мной тоже так бывает. Рассказывай, в кого влюбилась?

— Да ни в кого я не влюблялась! Честно. Я правда читала... просто очень медленно, — под конец фразы мой голос дрогнул, и признание я едва слышно прошептала.

Кико задумалась на минуту, посмотрела на меня с подозрением и подвела итог.

— Значит, ты не против прогулки на болото. И не витаешь в облаках из-за какого-нибудь наро, — проговорила она, бросая книгу на кровать.

— Все верно. Я просто плохо умею читать. В услужении у господина Прожирани было не до учебы, — проговорила я, отворачиваясь. Мне было очень стыдно, но ведь не я виновата в том, что поначалу у мамы не было времени учить меня, а потом и я сама с раннего утра до заката была загружена работой по дому.

— Вставай! — приказала Кико.

От такого тона я тут же вскочила с кровати, опомнилась, что уже не невольница, а кикимора не моя госпожа, и села обратно.

— Вставай, говорю, — повторила Кико, только на этот раз говорила она гораздо мягче. — Отведу тебя к одному моему интересному знакомому. Думаю, он сможет тебе помочь.

— И чем же он мне поможет? — спросила я, не веря в то, что тут можно помочь чем-то, кроме долгой и усердной практики.

— Этот прохвост точно что-нибудь придумает, — пообещала соседка.

— Я лучше почитаю, — ответила я, снова взяв книгу и спрятавшись за ней.

Кико снова отобрала у меня учебник и, спрятав его за спину, сверлила меня взглядом до тех пор, пока я не сдалась.

— Ну хорошо, води меня к своему другу, — произнесла я, неохотно вставая.

— Так-то лучше! — довольно проговорила кикимора.

В коридоре царил полный беспорядок. Кто-то разбросал аккуратно сложенный мною у двери мусор, и студентки возмущенно обсуждали творящееся вокруг зловонное безобразие.

— Твоих рук дело? — напустилась стройная блондинка с заостренными кончиками ушей на Кико. — Конечно! Кто же еще мог сотворить такое кощунство, как не болотная нечисть.

— Ты имеешь что-то против болотных? — угрожающе сдвинув точеные буро-зеленые брови, спросила у нее другая студентка.

К блондинке присоединились две столь же красивые и высокомерные подруги, а рядом с нами встала коренастая смуглая нари. Отверстия под ее скулами раскрывались и закрывались в такт шумному от возбуждения дыханию. Я мало знала о магических меньшинствах, но понять, что это жабры, было не сложно.

— Все сюда! Эльфы с болотными схлестнулись! — неожиданно громко прокричал худенький юркий парень, ловко взобравшись на одну из открытых дверей и обозревая коридор сверху. — Принимаю ставки, один к двум! Эльфийки славятся своей гибкостью и слаженностью, но мы все знаем, какими увлеченными в желании притопить ближнего своего могут быть болотные нари. Делаем ставки! Делаем ставки!

У меня заложило уши от невероятно громкого, расходящегося физически ощутимыми волнами голоса студента, но его старания не были напрасными — вокруг нас быстро образовалось свободное пространство, а пути к отступлению были отрезаны мгновенно набежавшими нари и наро.

Со всех сторон слышались выкрики, студенты торопились сделать ставки.

— Помедленнее, я записываю, — выкрикнул проворный парень, действительно строча

что-то карандашом в маленькой записной книжечке.

То, что предлагали азартные учащиеся, поставило меня в тупик. «Дежурство по территории», «Зачет у профессора Крантса», «Лекции по дальним хроноброскам, третий курс» — вот что выкрикивали студенты. Было еще много абсурдных предложений (кто-то даже предложил в качестве ставки выкрасть из кабинета ректора ответы на какой-то зачет), но все воспринимали их как должное.

Я попыталась вернуться в комнату, попятившись к двери, но меня грубо толкнули обратно.

— Куда собралась? Я на вас поставила, — прошипела бледная черноволосая нари в черном же кожаном комбинезоне. Я не уверена, но, кажется, в ее волосах поблескивали серебром маленькие рожки.

— Но я же не... — попыталась я объяснить окружающим, что понятия не имею, что происходит и какое я имею к этому отношение.

— Поздно, Юна. Ты с самого начала стояла рядом со мной, так что если сбежишь — нам засчитают поражение, — тихо проговорила Кико. — А болотные никогда не сдаются и не проигрывают! — выкрикнула она гораздо громче.

Толпа шумно поддержала ее дружными возгласами.

— Бей ушастых! — прозвучал боевой клич из уст коренастой девушки с жабрами, и начался настоящий кошмар.

В руках у блондинок одновременно появились матовые стеклянные шары на резных ручках. Они направили эти шары на нас и начали что-то шептать, но студентка с жабрами подалась вперед и выпустила изо рта длинный, как у лягушки, язык, которым и выбила оружие из руки одной из ушастых. Шар упал на пол, но не разбился. Он начал быстро вращаться по кругу, словно его рукоять прилипла к полу, и разбрызгивать снопы искр. Стоящая рядом со мной девушка с темно-зелеными бровями запрокинула голову и резко выдохнула, но из ее рта вылетел не воздух, а туча самого настоящего болотного гнуса. Хозяйка смертоносного роя зашипела, указывая пальцем на противниц, и способный закусать до смерти гнус ринулся на блондинок. Я с ужасом наблюдала, как насекомые приближаются к студенткам, и не верила в происходящее. Однако девушки не дрогнули, они направили стеклянные шары на рой и синхронно выкрикнули: «Паэлло». Из шаров вырвалось белое пламя, и коридор заполнился едкой вонью мгновенно сторевавших насекомых.

— Ну все, ушастые, теперь вам точно не жить, — прошипела хозяйка сгинувшего роя и вновь открыла рот.

Но выпустить новую армию насекомых она не успела, Кико раскинула руки в стороны, и весь коридор заволокло тяжелым желтым туманом. Пол начал мелко подрагивать, в нос ударил запах болотного газа... и все резко прекратилось. Туман рассеялся, и я увидела стоящую между нами и ушастыми ректора Ишаро. Как ни пыталась, я не могла ни пошевелиться, ни сказать хоть слово. Время словно остановилось, и все вокруг стали похожи на статуи.

— И новенькая уже в центре событий. Ну, Марино, удружил! — досадливо проговорила нара ректор. — Далиус, всех записать и список мне на стол. Тех, кто пользовался родовой магией, пометить галочкой. Закрытый режим до пяти часов утра, чтобы ни одного студента вне комнаты не было! И приберись тут, развели бедлам.

Нара Ишаро смерила меня разгневанным взглядом и уже собралась уйти, но вдруг резко развернулась, приблизилась ко мне вплотную и заглянула в глаза. Я пристыженно отвела

взгляд в сторону.

— Святые хроники! — воскликнула ректор. — Она вне времени!

— Невозможно, — загробным голосом произнес дух-хранитель.

— Смени тон, меня твои голосовые эффекты раздражают, — передернув плечами, приказала нара Ишаро. — И не брюзжи, сама знаю, что невозможно. Где это видано, чтобы какая-то пигалица необученная — и мою временную паузу так легко обошла. Не до конца, конечно, но все же. Залипла, как муха, но все видит и слышит. Жизненные процессы, судя по сердцебиению, в норме. Ох, и намучаемся мы с ней. Завтра же отправлю запрос на аудиенцию у нарая Амниоса Хроно. Будет как раз повод увеличения дотаций попросить. — Ректор подалась вперед и язвительно выдохнула прямо мне в лицо: — Пусть папочка позаботится о благополучии и комфорте очередного нажитого в неведомых далях чада. Не всё же мне с вами возиться.

Мне было страшно и очень неудобно стоять без движения, но после слов нары Ишаро вокруг меня словно мыльный пузырь лопнул, и я повалилась на пол. Все вокруг тоже отмерли и тут же вновь застыли, только уже от наступившего их осознания, что теперь в центре событий ректор и наказание за участие в недозволенном мероприятии неминуемо.

Нара Ишаро подошла к сидящему на двери предприимчивому парню и попросила его обманчиво ласковым голосом:

— Мартон, мальчик мой, будь добр, объяви, пожалуйста, ничью и отдай мне свои букмекерские записи.

По тому, как голос ректора сорвался на шипение, легко можно было понять, что ей лучше не перечить. Коридор опустел буквально за несколько мгновений. Кико помогла мне подняться с пола и быстро увела в нашу комнату.

— Ты чего там разлеглась? — спросила она шепотом, несмотря на то, что мы уже были в комнате и заперли дверь. — Я тоже испугалась, когда Ишаро неожиданно перед носом появилась, но она у нас не настолько сногшибательна, чтобы падать к ее ногам.

— Неожиданно? — переспросила я.

— Ну да, как поганка из-под кочки после разлива выскочила. Я только собралась устроить эльфийкам небольшую экскурсию по болотам Загорья, а она мне весь настрой сбила, — обиженно проговорила соседка.

— Но она же... — попыталась объяснить я кикиморе, что произошло в действительности, но девушка меня перебила.

— Ненавижу, когда она так делает! Всех уже этими своими появлениями довела. Она же здесь главная, вот что хочет, то и творит, — возмущенно проговорила Кико. — А теперь еще и воспитательной беседы не избежать. Но получать выговор — так за дело! Сейчас наверняка объявят комендантский час, и пусть. Мы все равно пойдем к Дарну.

В подтверждение ее слов по всей академии разнесся замогильный голос духа-хранителя: «Всем разойтись по комнатам. Объявляется закрытый режим. Пребывание в коридорах и других нежилых помещениях академии запрещено до пяти часов утра. Нарушители будут строго наказаны».

— Не дожدهшься, халдей змеиный, — прошептала Кико, глядя на потолок и потрясая кулаком в воздухе. — Переодевайся во что-нибудь поудобнее, мы уходим.

— Нет, я не выйду в коридор, — отрицательно покачала я головой, не желая навлекать на себя еще больший гнев ректора.

— А я тебя об этом и не прошу, — коварно улыбнулась кикимора. — Нам запретили

выходить из комнат. Мы — девушки, следовательно, к нашей спальне у духа доступа нет. И значит, если мы не выйдем из этой двери, то останемся в комнате. Верно?

— Верно, — согласно кивнула я.

— А вот и нет! У нас еще есть окно! — радостно объявила Кико, указывая на то самое окно, о котором шла речь. — Так что надевай штаны и вперед, за знаниями... и за лягушками. До пяти утра как раз успеем.

Сначала я хотела категорически отказаться, но взгляд упал на высокую стопку книг, лежащих на столе. Я все это при всем желании быстрее чем за два месяца точно не прочту. А уж о том, чтобы понять прочитанное, и мечтать не приходилось. Я обреченно вздохнула и пошла переодеваться в выбранную соседкой одежду.

В брюках и простой серой рубахе я чувствовала себя словно голой. Нестерпимо хотелось надеть юбку или платье. Придется привыкать к новым традициям. Где-то в глубинах отрывочных воспоминаний из детства скрывались картинки того, как я — пятилетняя девочка — болтаю голыми ножками, качаясь на качелях. И тогда меня совершенно не смущали коротенькие шорты. Но ведь тогда я не была восемнадцатилетней девицей с грузом опыта невольницы и воспитанием в традициях консервативной Родинарии за плечами.

— Какие у тебя ноги длинные, — завистливо протянула соседка. — Не то что мои кикиморьи лапки.

Я отвернулась и выправила рубаху из брюк. Она, конечно, не скрывала всего того, что должно было быть скрытым юбкой, но хотя бы талию не обтягивала.

— Так, слушай внимательно. Я сейчас отправлю весточку Дарну, потом сплету травяной канат, и мы по нему доберемся до комнат аспирантов, — рассказала о своем плане кикимора.

— Но я не умею лазить по канатам! — возразила я, не желая разбиться, упав с высоты четвертого этажа.

— Научишься, — отмахнулась Кико.

После чего она быстро написала что-то на обрывке тетрадного листа, подхватила совершенно не сопротивляющуюся цаплю, погладила ее по спине, прошептала: «Цаплик, выручай» и, всунув записку птице в клюв, вытолкнула ее из окна.

Потом девушка начала метаться по комнате, словно что-то потеряла.

— Ну вот зачем ты столько полезных вещей выкинула? — возмущалась она, заглядывая под стол и кровати. — Придется Пушистика общипывать.

Пушистиком оказался повядший куст осоки. Из него кикимора выдернула несколько сухих стеблей и уселась прямо на пол, шепча что-то в ладони, в которых зажала былинки. Травинки были тонкими и ломкими, но когда Кико начала их переплетать, из-под ее пальцев выходил самый настоящий, толстый, прочный канат.

— Удивительно, — прошептала я.

— А то! — гордо ответила кикимора. — Это мне от папочки вместе с именем родовая магия досталась. Мама-то у меня уже давно от корней отошла, она здесь, в пригороде, грязелечебницу держит, а отец из древних. Приезжал в Амнистанию по государственным делам и заехал опробовать местные знаменитые грязи. Да так опробовал, что на две недели пропал, а потом я появилась. Теперь он каждый год к нам навещается, здоровье в чудодейственных грязях поправляет.

За рассказом о родителях Кико успела дотрести канат. Ловко затянув на его концах прочные узлы, чтобы не расплелся, девушка принялась привязывать один конец к ножке кровати, а другой потом сбросила с подоконника.

— Теперь остается только ждать, пока Дарн подтянет другой конец и закрепит его со своей стороны, — проговорила девушка, деловито отряхивая руки.

Я выглянула в окно и увидела, как канат медленно поднимается вверх, словно его кто-то подтягивает на невидимой паутине.

— Нам что, нужно подниматься, а не спускаться? — спросила я, с ужасом осознав, что теперь-то уж я точно разобьюсь.

— Всего один этаж, — небрежно пожала плечами соседка, словно она каждый день поднималась по канату на самую высокую башню города. — Да ты не переживай, Дарн подстрахует.

Кикимора подергала канат, убедившись, что он надежно укреплен, и поманила меня рукой.

— Нет, я не могу, — отрицательно покачала я головой, пятась подальше от окна.

Такого опасного приключения в моей размеренной невольничьей жизни еще не было. К восемнадцати годам я могла похвастаться тем, что никогда не получала никаких серьезных травм. Ожоги от горячей воды и отдавленные тяжелыми ведрами ноги я в расчет не брала. Сейчас же у меня были все шансы переломать половину, если не все кости.

— Ты хочешь остаться в академии? Или мечтаешь отправиться в школу, где будешь сидеть рядом с сопливыми детишками и учиться читать? — строго спросила Кико. — И в следующий раз тебе может достаться в соседки высокомерная эльфийка. А к концу обучения ты будешь старше аспирантов.

Ни один из доводов соседки не страшил меня. Вперед толкнул страх, что меня могут просто выгнать из академии, оставив совершенно одну на улице. Вряд ли маме разрешат привести в гимназию дочь. А я никогда не прощу себе, если мама откажется от шанса получить хорошую работу и достойную жизнь из-за того, что дочь оказалась слишком глупой.

— Ухватись за канат покрепче, переступай ногами по стене и подтягивайся на руках, — подсказала девушка, помогая мне взобраться на подоконник.

Выглянув, я посмотрела вверх и увидела свесившегося из окна этажом выше коротко стриженного мужчину.

— Поторопитесь, — произнес он громким шепотом. — Если поймают, не ждите, что буду прикрывать.

Вниз я решила вообще не смотреть, иначе просто не смогу сделать то, на что с таким трудом решилась. Первые попытки подтянуться на канате дались довольно легко, ведь снизу меня подталкивала Кико. Дарн по пояс высунулся из окна и протягивал руку, до которой мне оставалось не больше ладони. Решив сделать рывок и схватиться за руку мужчины, я отпустила одну руку, а в следующее мгновение канат заскользил, и я полетела вниз. Из всех сил зажмурившись, я взмолилась, чтобы смерть была быстрой и безболезненной.

Шли мгновения, но ничего не происходило. Неужели я умерла и даже не заметила этого? Я открыла глаза и поняла, что вишу в воздухе на расстоянии вытянутой руки от земли. Похоже, ректор Ишаро застала нас на попытке побега как раз в тот момент, когда я начала падать, и остановила время, чтобы спасти меня. Но почему же тогда я могу шевелиться? Я осторожно повернулась лицом к земле — воздух пружинил, словно я лежала на хорошо взбитой перине, — потрогала влажную прохладную траву и медленно опустилась на нее. Мир резко наполнился звуками.

— Юна, Юна! Ты жива?! — громко кричала Кико. Дарн на нее шикал и одновременно

спускался по канату, нижний конец которого Кико выбросила из окна нашей комнаты.

Я же лежала на мягкой траве и не могла поверить в то, что осталась жива. Канат не доставал до земли, но Дарн спрыгнул, подбежал ко мне и, присев на корточки, протянул руку к моей шее.

— Со мной все в порядке. Просто испугалась, — проговорила я охрипшим голосом.

— Не шевелись. У тебя шок, — строго проговорил мужчина. — Бесшабашная Колоро постоянно втягивает наивных новичков в неприятности.

— Со мной правда все в порядке, — произнесла, садясь. — Только как же мы теперь поднимемся?

— Больше ты по канату точно не полезешь, — зачем-то ощупывая мои руки и спину, проговорил мужчина.

— Что вы делаете? Прекратите немедленно, — прошептала я, краснея и отодвигаясь.

— Успокойся, я всего лишь проверяю — целы ли кости. Тем более что у тебя, кроме как на кости, и взглянуть-то не на что. Откуда только такая худая взялась, — усмехнулся Дарн. — Вставай, — произнес он, выпрямившись и подав мне руку.

— Ну что там? — опять закричала на всю академию Кико.

— Стой здесь, я сейчас поднимусь, надвяджу веревку и сделаю на конце петлю. А потом подниму тебя, — произнес мужчина и быстро убежал за угол замка. Я подошла к стене и прижалась к ней спиной, чтобы не привлекать внимания. Ведь кто-нибудь из студентов может выглянуть в окно и увидеть в сгущающихся сумерках стоящую на лужайке фигуру.

Ожидая помощи, я стояла в тени нависающего надо мной сказочного замка и пыталась понять — что же все-таки случилось? Благодаря какому чуду я осталась жива? Вряд ли это заслуга ректора: она не создавала впечатление человека, который сделает что-то подобное и молча удалится. Нара Ишаро как минимум предупредила бы о грозящем за нарушение режима наказании, чтобы я не спала всю ночь, мучаясь в ожидании расплаты. Так кто же тогда меня спас?

Задумавшись, я испугалась, когда прямо передо мной появилась сброшенная Дарном из окна веревка. Ее конец был завязан петлей, которую я накинула на себя, зажав канат подмышками. Казалось, подъем никогда не закончится. Веревка болезненно врезалась в кожу, а руки норовили подняться, но я терпела, зная, что тогда выскользну из петли — и в этот раз уже непременно разобьюсь.

Кико взобралась по канату раньше, пока нар Дарн возвращался в свою комнату, и теперь нетерпеливо металась по небольшому рабочему кабинету. Когда мужчина втягивал меня на подоконник, соседка усердно пыталась помочь, но только мешала.

Но, несмотря на это, нар втянул меня, и наконец-то мы все втроем стояли на твердом полу. Кико бросилась обнимать меня и причитать о том, как сильно она испугалась, а Дарн завалил вопросами.

— Ты оборотень? — спросил он.

— Нет, — отрицательно покачала головой.

— Метаморф?

— Нет.

— Дракон? Вампир? Полубог? — продолжил допрос мужчина.

— Нет, — опровергла я все его предположения.

— Так кто же ты тогда?! — воскликнул Дарн.

— Человек, — пожала я плечами. — По крайней мере, была им всю свою жизнь.

— Не лги мне. Колоро, кого ты ко мне привела? — возмутился нар.

— Фактически я ее не приводила. Ты сам втащил ее через окно, — усмехнулась Кико. —

И я тоже не знаю, кто она. Да Юна и сама не знает. Она всю жизнь была невольницей в Родинарии. И только вчера приехала в Амнистанию. А знаешь, кто ее привез?

— И кто же? — недовольно спросил Дарн.

— Сам нар Марино, главный вербовщик, — гордо ответила кикимора.

— И знаменитый торговец. Возможно, он просто не удержался от выгодного предложения, — усмехнулся Дарн. — Сколько за тебя заплатили? — обратился он ко мне.

— Нас с мамой выменяли за льготы по торговым пошлинам для приграничного города Антирона, — честно ответила я.

— Мда, это выгодной сделкой не назовешь, — задумчиво произнес мужчина.

— Моя мама хороший счетовод, — посчитала нужным рассказать я.

— Образованная невольница, да к тому же еще и женщина. В Родинарии это невозможно! — заявил нар.

— Мы жили в Родинарии только последние двенадцать лет, — призналась я.

— А до этого? — оживился Дарн.

— В другом... месте, — ответила с заминкой.

— Оставь девушку в покое, — вступилась за меня соседка. — Мы пришли к тебе за помощью, а не на допрос.

— И что же тебе опять нужно? — недовольно спросил мужчина. — Я, конечно, обещал твоему отцу, что буду помогать. Но тебе не кажется, что ты этим злоупотребляешь?

— На этот раз помощь нужна не мне, а Юне, — не скрывая гордости, ответила Кико.

— Ты никогда ни за кого не просила. Так что же изменилось теперь? — усмехнулся мужчина.

— Она моя соседка! — воскликнула кикимора.

— Да ты четверых за два года обучения выжила, — произнес нар.

— А эта мне нравится, — заявила Кико.

— Тем, что помалкивает и во всем тебе потакает? — язвительно поинтересовался Дарн.

— Она хорошая. Даже не возмущалась, что у меня немного не прибрано. Просто навела порядок — и все. И цаплик ее принял, — рассказала кикимора. — Будем теперь жить в чистоте.

— И чем же я могу помочь? — спросил у меня мужчина.

— Она читать не умеет, а ей аттестацию назначили, — вместо меня ответила соседка.

— Я умею читать... только очень медленно, — вставила я, стыдливо опустив глаза.

— В этом нет ничего постыдного. Ты жила в рабстве, в отличие от некоторых местных деток знати, — заверил меня нар Дарн. — Я могу помочь тебе, но эффект будет временным, и потом тебе все равно придется усердно заниматься, чтобы подтянуть чтение и правописание. Понятно?

Я лишь кивнула, стораая от стыда. Будучи невольницей, я твердо знала, что образование мне никогда не понадобится. Господин Прожирани привязал нас к себе заклинанием, за которое заплатил городскому магу большую, по его словам, сумму. Мы не могли сбежать. Только сам господин мог освободить нас по собственной воле. Но он не собирался отказываться от невольников, к которым уже привык.

Теперь же я чувствовала себя рыбой, выброшенной из воды. Меня не учили ни дышать, ни ходить.

— В общем, помоги Юне прочитать и понять программу детской школы, чтобы она прошла аттестацию, а потом я ее подтяну, — подвела итог Кико.

— Есть у меня одна интересная микстура, но она действует только трое суток. И принимать ее можно только раз в год. Чаще опасно, — задумчиво проговорил Дарн. — И думаю, вы понимаете, что это должно остаться между нами. Иначе меня уволят, и останешься ты, Колоро, без покровительства в преподавательских кругах.

— Ты пока и не преподаватель, а только аспирант, — капризно заявила кикимора.

— Тебя что-то не устраивает? — осведомился нар Дарн.

— Нет-нет. Все замечательно. Давай свою микстуру, — заверила его Кико.

— Но я не успокоюсь, пока не выясню — кто ты, — проговорил мужчина, вручая мне маленький стаканчик, в который налил, отсчитывая капли, всего глоток черной тягучей жидкости.

— Когда выясните, скажите мне, пожалуйста, — попросила я его.

Микстура оказалась очень горькой на вкус.

— Запивать нельзя, — развел руками Дарн. — Позже горечь станет не такой явной, но полностью пройдет, только когда прекратится действие зелья.

— Почему сразу не сказал? — возмутилась соседка.

— Ничего, я потерплю, — проговорила я с трудом. — Спасибо, нар Дарн.

— Не за что, — улыбнулся мужчина. — А теперь марш в свою комнату! И не вздумайте нарушать запрет!

— Нет, нам еще на болото за лягушками надо сходить, — проговорила Кико.

— Ты смерти моей хочешь, несносная кикимора? — воскликнул Дарн.

— От кикимора слышу, — заявила девушка.

— Я не кикимор, а доминирующий болотный выходец, — гордо ответил мужчина.

— Так я и сказала — кикимор, — рассмеялась Кико. После чего подбежала к окну, натянула на ладони рукава свободной блузы, схватила за веревку и выпрыгнула.

— Тебя спустить или сама сможешь? — вздохнув, спросил нар Дарн.

— Не смогу, — покачала я головой.

* * *

Как только я оказалась на земле, Дарн быстро поднял веревку и закрыл окно. Где-то совсем рядом послышался тихий, похожий на карканье клекот.

— Цаплик, ко мне, — шепотом позвала кикимора.

В ночной темноте я не сразу увидела степенно приближающуюся длинноногую птицу.

— Ну что, идем на охоту? — воодушевленно спросила Кико у птицы.

— Идем, — ответила я за нас обоих.

В действительности мне не терпелось проверить — подействовала ли микстура, но соседка помогла мне, и было бы несправедливо отказаться сопровождать ее в походе за кормом для питомца.

— Здесь недалеко. Ближайшее болото в пяти минутах ходьбы, это во владениях одного богатого болотника. Охрана там жуткая, но я постоянно туда за лягушками для цаплика хожу, — рассказывала кикимора, ведя меня по академическому саду.

— А как его зовут? — спросила, глядя на вышагивающую рядом с хозяйкой цаплю.

— Болотника — нар Пырченд Пузырно. Мерзкий старикашка, — передернула плечами Кико.

— Я имела в виду твою цаплю, — пояснила девушке.

— Так и зовут — Цаплик. По-моему, нормальное имя, — проговорила соседка. — Ты лучше расскажи, что произошло, когда ты упала.

— Я не знаю, что произошло, — призналась я, ежась от воспоминаний и горечи во рту. — Просто мир вокруг вдруг замер, и я спокойно спустилась на землю.

— Ну что тут скажешь. Либо ты сама себя спасла — не зря же тебя в академию Хроноса направили, либо это сделал кто-то другой. Надеюсь, что это твои способности проявились. Иначе тот, кто спас тебя, потребует расплаты. У нас никто просто так ничего не делает. Ты держись со мной — не пропадешь, — Кико говорила и говорила, а я только молча шла рядом с ней и вздрагивала при каждом шорохе.

— Сейчас мы переберемся через забор — и можно будет не опасаться вахтенных, — произнесла кикимора, когда мы подошли к высокой, оплетенной плющом решетчатой изгороди.

— И как же мы это сделаем? — спросила я, глядя на забор высотой в два человеческих роста.

— Природа нам поможет, — усмехнулась Кико. — Вот, смотри.

Кикимора начала ловко карабкаться по плющу, который непременно должен был рваться, но удерживал вес девушки.

— Давай же, не бойся, — проговорила она, оглядываясь.

Мне пришлось положиться на знания соседки и последовать за ней.

Подъем на забор дался легко, спускаться же по другую сторону оказалось тяжелее. Но рядом появилась рука соседки, на которую я оперлась, — и благодаря ей не упала.

Когда же, оказавшись на земле, я увидела девушку стоящей в стороне, а рука помощи все еще была зажата в моей ладони, сердце замерло на мгновение, перед тем как зайтись в быстром ритме.

Медленно повернулась — и сердце в очередной раз замерло. Передо мной стоял тот самый зеленоглазый наро из красной зоны.

Он улыбнулся, отчего в свете луны блеснули белые зубы с выдающимися вперед клыками, и потянул мою руку к губам.

«Он сейчас укусит меня!» — мелькнула паническая мысль, но отдернуть руку я не успела.

Молодой человек поцеловал тыльную сторону моей ладони, но вопреки ожиданиям не отпустил дрожащую руку.

— И куда же собралась, моя будущая пара? — поинтересовался наро, продолжая улыбаться.

Я попыталась выдернуть ладонь из его руки, но молодой человек не желал ее выпускать.

— Отпусти ее, Громиро! — вступилась за меня соседка.

— Не влезай в это, Кико, — посоветовал ей Громиро.

— Постой в сторонке, пиявка безродная, — насмехаясь, проговорил один из друзей моего преследователя, вышедший из тени забора.

— Орнови, закрой рот! — прикрикнул на него Громиро. — Не обращайтесь внимания на моего невоспитанного друга.

— Скажи мне, кто твой друг... — с намеком произнесла Кико.

— Друзей не выбирают, их принимают такими, какие они есть, — усмехнулся наро, продолжая держать меня за руку. — Разве ваша дружба не подтверждает это?

— Оставьте нас в покое, — потребовала Кико, — нам нужно идти.

Я резко дернула рукой и высвободила ее из захвата.

— И куда же вы направляетесь? Мы вообще-то несем вахту по академии и могли бы арестовать вас, — усмехнулся наро.

— Моему цаплику нужны лягушки, — неохотно пояснила кикимора.

— Питомцы вообще запрещены на территории академии. Исключение составляют только фамильяры для ведьм и магов природы. А ты, может, и ведьма, но не по призванию, а по натуре, — посмеиваясь, проговорил худощавый светловолосый парень, вышедший из-за спины Громиро.

— Альфи, и ты здесь, — недовольно пропыхтела Кико.

— Соскучилась? — язвительно поинтересовался светловолосый наро.

— Ненавижу, — прошипела соседка.

Со всех сторон пополз зловонный болотный туман.

— Ты и подругу хочешь болотным газом отравить? — поинтересовался Громиро. — Успокойся. И, Альфи, помирись уже со своей девушкой, пока она нас всех здесь не уложила до утра. А мы с... Как вас зовут, таинственная нари? — спросил он у меня.

— Юнила, — затравленно ответила я.

— А мы с Юнилой пойдем вперед. Догоните, когда разберетесь, — вкрадчиво произнес наро Громиро. — Кстати, можешь называть меня Рэн. Сокращенно от Рэндом.

— Юна, — ответила я, пряча руки за спину.

— И куда ты собрался вести мою подругу? — воинственно поинтересовалась соседка.

— На болота Пузырно, ведь вы собрались именно туда? — спросил Рэндом.

— Ничего не бойся и кричи, если что, — дала мне два противоположных совета Кико.

Бояться я начала сразу же после ее слов, да так, что горло сдавило спазмом, и закричать я не смогла бы, наверное, даже если бы наро попытался меня загрызть. Насколько я поняла по его внешности и поведению жожака в компании, Рэндом Громиро был оборотнем, и идти рядом с ним по незнакомой ночной улице казалось занятием чуть ли не более опасным, чем падение с высоты четвертого этажа. Но и вернуться я не могла, не желая мешать Кико общаться с ее молодым человеком.

— Откуда ты? Кто твои родители? Расскажи что-нибудь о себе, — попросил Рэн.

— Я из Родинарии. Моя мама учится в гимназии Мгновений, а отца я не помню, он ушел, когда я была еще совсем маленькой, — отчиталась я, не допуская даже мысли возразить оборотню, о которых я знала лишь то, что они способны превращаться в агрессивных хищных зверей.

Мы шли вдоль глухих заборов и живых изгородей, нар расспрашивал меня о каких-то незначительных вещах. Например, какой мне нравится цвет или запах. Что я предпочитаю в еде и какую люблю погоду.

Вопросов было очень много, и я отвечала на них, не задумываясь, периодически оглядываясь в надежде увидеть в лунном свете низенькую юркую фигурку своей соседки. Но нас не спешили догонять. Когда же Рэн остановился и прошептал: «Пришли», я совершенно растерялась, не зная, что делать — бежать обратно за Кико или лезть через забор и начинать ловить лягушек.

— Ну где же она? — спросила я шепотом, вглядываясь в пустую улицу.

— Опять, наверное, над Альфредом издевается. Сейчас доведет его до начальной стадии обращения и начнет успокаивать. И будет потом бедолага несколько дней с рыжей щетиной ходить и руки за спину прятать, чтобы людей когтями не пугать, — проговорил, посмеиваясь, Рэн.

— А такое уже было? — спросила я, оборачиваясь и всматриваясь в скрытое ночной темнотой лицо спутника.

— И не раз. Вы, девушки, любите играть на нашем темпераменте, — прошептал он, сделав шаг ко мне и оказавшись совсем рядом. — Как же ты пахнешь. Я почти теряю контроль от твоего запаха.

Я попыталась отступить, но Громиро обнял меня за талию и не позволил отойти.

— Не бойся, не обижу, — произнес он совсем тихо.

Я уперлась руками в его грудь и старалась оттолкнуть, но наши силы были неравны. Когда же наро начал склоняться к моему лицу, я не смогла ни закричать, ни даже прошептать в знак протеста, окаменев от страха.

Но стоило ему прикоснуться горячими, словно у страдающего жаром больного, губами к моим, как во мне всколыхнулась такая волна протеста, что хватило сил и на то, чтобы оттолкнуть его, и на звонкую, наверняка болезненную пощечину. По крайней мере, моей руке было больно.

Даже господин Прожирани никогда не позволял себе такого, только обещая посвятить меня в таинства страсти, когда он излечится. Так с чего же этот совершенно посторонний оборотень решил, что ему позволены подобные вольности в мой адрес?!

Рэндом же совершенно не обратил внимания ни на пощечину, ни на мой гневный взгляд. Он остервенело вытирал губы и отплевывался, словно вдруг обнаружил, что поцеловал не девушку, а жуткого монстра.

— Да что же это такое? Что ты сделала? Ты что, ведьма? — вопрошал он в промежутках между брезгливыми плевками.

— Нет, она ядовитая родственница ректора Ишаро, и теперь ты умрешь в страшных муках за то, что полез к девушке без разрешения, — полушепотом, с подвыванием для большего эффекта проговорила появившаяся как из-под земли Кико.

— Сумасшедшие, — прошипел Громиро. — Где Альфи?

— Там твой Альфи, возле забора. Практикуется в маскировке на болотистой местности, — проворчала кикимора, приобнимая меня и поглаживая по спине.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — пообещал мне Рэн. — Когда твоей экспрессивной подруги рядом не будет.

После чего наро Громиро коротко кивнул в знак прощания и быстро удалился, выкрикнув, уже отойдя на приличное расстояние: «Оставлю Орнови у забора, чтобы помог перебраться. И поторопитесь, мы через два часа сменимся».

— Что ты сделала с Альфредом? — спросила я шепотом у соседки, когда Рэн скрылся в темноте.

— Показала, где ему место после того, что он сделал, — недовольно произнесла Кико. — Надела на него огромную болотную кочку. Когда я уходила, бедолага отплевывался от грязи и корней и даже встать пытался.

— А что он сделал? — спросила я, понимая, что это неприлично, но обычно несвойственное мне любопытство в этот раз взяло верх.

— Изменил, — пожала плечами кикимора. — Да все они одинаковые. Забудь, —

отмахнулась она. — Давай лучше лягушек ловить, а то неизвестно еще, кто этих сменит. Есть в нашей академии и похуже экземпляры. Тем более на последнем курсе.

Мы перебрались через живую изгородь и оказались на самом настоящем болоте, с кочками, заводями, поющими ночные песни лягушками и слегка светящимся в лунном свете туманом.

— Красота-а-а, — блаженно протянула Кико.

— А зачем ты сказала Рэндому, что я родственница ректора? Это же неправда, — не ко времени вспомнила я.

— Ну не объяснять же ему, что тебя угостил запрещенным зельем один из аспирантов, — усмехнулась кикимора.

— Запрещенным? — воскликнула я и прикрыла рот рукой, спохватившись. Лягушки смолкли на мгновение, но тут же вновь начали горланить свои незатейливые песни.

— Конечно! А ты думала, что такой подарок — и без последствий? Да если бы от этой микстуры вреда не было, мы бы все и не учили ничего. Выпил глоточек, с книжкой в обнимку посидел и все — образование получил, — проговорила Кико, доставая из кармана брюк матерчатый мешок на тесемках. — Проблема в том, что к этому зелью наступает привыкание, и потом ты без него уже не сможешь ничему научиться и ничего запомнить. Но мы-то не собираемся злоупотреблять, так что нас эти проблемы не касаются. Давай лягушек собирать.

И кикимора громко протяжно квакнула, а потом еще раз и еще. Через пару минут она своим пением созвала целую стаю лягушек.

— Ну а теперь поспите немного, — прошептала Кико и тихо подула на них.

На болоте воцарилась полная тишина. Только где-то вдалеке слышалось бульканье вырывающегося из-под воды болотного газа.

Мы взялись за края мешка, присели и принялись скидывать в него вялых лягушек.

— А ректор ядовитая? — не унималась я.

— Конечно, она же наполовину василиск, — пожалала плечами кикимора.

Я предпочла больше не расспрашивать. С меня, пожалуй, хватит новых рас на сегодняшний день.

— Достаточно, — прошептала соседка, выпрямляясь. — Все равно они больше недели без пищи и воды не протянут, а цаплик дохлых не ест. Зато у нас есть повод почаще делать ночные вылазки на свободу.

— Пошли быстрее. Я хочу проверить действие микстуры, — прошептала я в ответ.

Рэндом не обманул: он действительно оставил одного из своих друзей у стены, в том самом месте, где мы и встретились.

Молчаливый после того, как Громиро одернул его за нелестное высказывание в адрес Кико, наро помог нам перебраться через стену и проводил до академии. Все так же молча кивнул, когда мы оказались под нашими окнами, и исчез за углом здания.

Кико тихонько посвистела, подзывая своего питомца, погладила его и подкинула, отправляя к окнам нара Дарна.

Дарн сбросил нам веревку, дождался, пока кикимора ловко заберется по ней в окно нашей комнаты, и поднял меня, так же как и в прошлый раз.

Кожа в районе подмышек горела огнем, надавленная и натертая канатом. И наверняка от веревки остались красные следы, которые впоследствии превратятся в синяки.

Поблагодарив нара Дарна, соседка закрыла окно, вытащила из мешка пару лягушек и

отдала их своей птице, после чего затянула тесемки на мешке и бросила его на подоконник.

— Ну а теперь можно и поспать немного, — заявила она, повалившись на кровать.

— Я, пожалуй, сначала помоюсь, — произнесла я, отставив в стороны руки с растопыренными пальцами. Слизь, в которой я испачкалась, собирая лягушек, подсохла и превратилась в клейкую, стягивающую кожу субстанцию.

— Как хочешь, — пробурчала в подушку кикимора.

* * *

Смыв с себя пыль, болотную грязь и лягушачью слизь, я почувствовала огромное облегчение. Но горечь во рту не прошла даже после пятого полоскания. Смирившись с неизбежным побочным действием, я подошла к столу и с величайшей осторожностью взяла в руки все тот же учебник по «Основам хронологии», переставила светящийся шар на подставке, заменяющий здесь свечи, на край стола, ближе к своей кровати, легла и открыла первую страницу. Прочитать я успела только первое слово «Введение». А потом книга меня буквально поглотила. Не было нужды перелистывать страницы и читать. Я видела не слова и предложения, а саму их суть. Незнакомые и непонятные ранее термины вдруг стали мне так ясны, словно я знала их с раннего детства. Спустя всего один час я уже не только знала наизусть весь текст книги, но и понимала мельчайшие детали той информации, которую он нес. И это несмотря на то, что глаза слипались от усталости и я еще не научилась в полной мере пользоваться дарованной чудодейственной микстурой способностью. Уже засыпая, я подумала, что утром попрошу Кико дать мне на время все доступные книги, чтобы успеть за оставшиеся двое с половиной суток действия зелья получить как можно больше знаний.

Однако, проснувшись, я обнаружила, что соседки нет в комнате. Быстро умылась, оделась и, решившись, подошла к двери, чтобы отправиться на поиски кикиморы. Но дверь открылась раньше, чем я успела взяться за ручку.

Кико, хмурая и непричесанная, вошла в комнату, лишь мазнув по мне взглядом, подошла к кровати и буквально упала на нее.

— У нас проблемы, — пробурчала она из-под подушки, которую положила себе на голову. — Эта змеюка Ишаро наклеветничала моему папочке, и теперь он наверняка заявится сюда. А мой отец — это не душка Дарн, с ним так просто не договоришься. И в этот раз он мне не простит, что его опять отвлекают от важных дел из-за моих проделок. — Кико отбросила подушку в угол комнаты и воззрилась на меня с возмущением: — Вот объясни мне, ну что плохого в том, что я всего разок призвала родовую магию? Да я же даже воспользоваться ею не успела! А этим ушастым блондиночкам только выговор сделали и жезлы на месяц отобрали! Моя родовая магия, видите ли, смертельно опасна для некоторых рас. Но я-то ее на эльфиек направляла, а им она почти и не вредит вовсе!

Я присела на край кровати и погладила девушку по спине.

— Ничего. Переживу и это. Ну не убьет же он меня. Мама бы ему этого не простила, а ее он любит, — немного успокоившись, прошептала соседка.

— А тебя? — спросила я, продолжая гладить ее по спине.

— Что меня? — не поняла она.

— А тебя отец разве не любит? — пояснила я, отодвигаясь, чтобы не мешать подруге сесть.

— Ты что? Он же кикимор. У нас отцы с детьми вообще не общаются. Только по амнистанским законам в подобных случаях вызывают именно отцов. Тем более что я носительница именно его родовой магии. Мама тут ничего сделать не сможет, — объяснила Кико.

— А он сможет? — мне было действительно жаль соседку, она искренне переживала, и я тоже начала беспокоиться за нее.

— Он мог бы лишить меня родовой магии, но мама просила его не делать этого, чтобы у меня был шанс получить хорошую работу в будущем, — пожала плечами кикимора. — Так что придется потерпеть очередную лекцию о том, как мне с ним повезло, получить парочку затрещин и опять через силу поблагодарить его за милость. Надеюсь, ты ему понравишься. Иначе может потребовать, чтобы тебя переселили.

— И что мне сделать, чтобы понравиться ему? — спросила я, поняв, что уже привыкла к взбалмошной соседке и не хочу с ней расставаться. У меня никогда не было подруги, но казалось, что именно такую подругу я и хотела бы видеть рядом с собой.

— Тебе-то как раз ничего делать и не нужно, — улыбнулась Кико. — У нас, кикимор, принято, чтобы женщина преклонялась перед мужчиной и во всем была ему покорна. А ты еще не распрощалась со своими невольничьими привычками, так что должна ему понравиться.

— И когда он приедет? — продолжила я расспросы, чтобы быть готовой к визиту родственника соседки.

— Не знаю. Возможно, завтра или послезавтра, — отмахнулась кикимора. — Ладно, забудь. Разберемся как-нибудь. А сейчас пошли завтракать.

— Ты удивительная, — не удержалась я. — Только что едва не рыдала, а сейчас улыбаешься.

— А чего зря руки заламывать? Пострадала немного и хватит. Нужно решать проблемы по мере их поступления. А сейчас моя главная проблема — пустой желудок! — улыбаясь, объявила Кико.

По дороге в столовую я спросила подругу про книги, и она пообещала отвести меня в библиотеку после завтрака.

— Все равно я буду на занятиях, так что можешь копаться в книжной пыли до обеда. Я за тобой зайду, — проговорила она, первой входя в столовую.

Я следовала за ней, но кто-то неожиданно схватил меня за локоть и рывком утянул за дверь. Там, в темном углу, зажатой между дверью и стеной, мне еще и рот рукой накрыли.

— Ну, здравствуй, таинственная преступница, — прошептал Рэндом, прижимая меня к стене. — И кто же снабдил тебя зельем знаменитого гениального лентяя Обрино?

Я помотала головой, решив все отрицать, чтобы не выдать Кико и Дарна.

— Только не нужно лгать, я тоже был ленивым первокурсником, и действие, да и вкус микстуры Обрино мне хорошо знакомы, — продолжая удерживать меня, шептал оборотень. — Ты хоть понимаешь, что за употребление этой отравы тебя не только отчислят без вопросов, но еще и на учет поставят как социально ненадежную личность?

Наро наконец-то убрал руку от моего рта, и я выпалила:

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Отпусти меня немедленно.

— Я же о тебе забочусь, глупая, — проговорил оборотень. — За хранение этого препарата тебя могут арестовать.

— Я ничего не храню, — заверила я его.

— А кто хранит? — тут же оживился Рэн.

— Не знаю, — пискнула я, впадая в панику, но намереваясь молчать даже под пытками.

— Не скажешь? — спросил Рэндом.

Я лишь отрицательно мотнула головой и опустила взгляд.

— Глупо, но достойно уважения, — усмехнулся он. — Но учти, я буду за тобой присматривать. И лично сдам в лечебницу, если замечу признаки привязанности. И твою подружку под суд отдам, чтобы не растлевала наивных первокурсниц.

— Ты бы сам перестал лапать девушку, — послышался из-за спины оборотня недовольный голос кикиморы. — А то это еще разобраться нужно, кто ее тут сейчас растлевает.

Оборотень отпустил меня, отступил на шаг, смерил Кико враждебным взглядом и попросил меня — не потребовал, а именно попросил:

— Не делай глупостей, не лишай себя будущего.

— Иди уже, мудрый выпускник. Ты бы когда инструктора по практическим путешествиям едва не загрыз, таким рассудительным был, — проворчала подруга, оттесняя его плечом.

— Пожалуйста, — ехидно проговорил Рэн. — В следующий раз, когда тебя будут склонять к близости за зачет, пройду мимо.

— Можно подумать, он обо мне заботился. Увидел, что к девушке друга пристают, вот оборотнический инстинкт и разыграл, — прошептала кикимора, когда наро скрылся из вида.

Я же дрожала, как лист на ветру, пребывая в шоке. Как от того, что только что произошло, так и от известия, что здесь преподаватели позволяют себе подобное обращение со студентками. А тот факт, что Рэндом кого-то едва не загрыз, только укрепил мой страх перед расой оборотней.

Сегодня с заказом завтрака проблем не возникло. За считанные секунды я не только ознакомилась со страницей традиционной кухни, но и выучила все меню наизусть, что мне очень пригодится, когда прекратится действие зелья.

Однако несмотря на то, что выбрала я привычные для себя блюда, поесть нормально мне так и не удалось. Даже сладкий сок клубневой марниции, овоща, напоминающего по вкусу грушу, как утверждала мама, показался мне нестерпимо горьким. В результате я смогла съесть только кусочек хлеба и через силу запить его парой глотков сока.

— Идем, покажу тебе дорогу до библиотеки, — поторапливала меня Кико. — Мне сейчас на занятия опаздывать противопоказано.

Библиотека в академии оказалась по истине огромной. Здесь было столько рядов стеллажей, заполненных всевозможными книгами, что среди них немудрено и заблудиться.

— Вот, нара Тартино, привела вам новенькую, — проговорила подруга, передавая меня на попечение пожилой женщины, сидящей за низкой конторкой. Женщина оказалась дружелюбной и смешливой. И, глядя на нее, было невозможно не улыбаться, в частности потому, что ее голову украшал невероятных размеров небрежный пучок припорошенных сединой волос.

— И какие же тебя интересуют книги, деточка? — улыбаясь, пропела нара Тартино.

— Не знаю, — растерянно ответила я, — наверное, все.

— Нет, так мы с тобой не договоримся. Ты на какой факультет поступила? — вновь поинтересовалась женщина.

Я честно попыталась припомнить, что говорила нара Пифаро, но в памяти всплыли лишь отдельные фразы.

— Контроль... Захват и преобразование, — неуверенно произнесла я, следя за реакцией библиотекаря.

— Вот даже как, — протянула нара. — А ты часом не преувеличиваешь, милая?

Беспомощно пожала плечами. Больше я ничего не могла припомнить, и никто не удосужился сказать мне, на каком именно факультете я буду учиться.

— Ну что ж, иди за мной, — поманила нара Тартино и вылетела из-за конторки.

И она действительно вылетела! Оказалось, что вместо ног у женщины что-то вроде хвоста из полупрозрачной, похожей на клубящийся пар субстанции.

— Ну что застыла? Никогда паровиков не видела? — посмеиваясь, спросила нара.

— Нет, — прошептала я, неприлично пялясь на хвост библиотекаря.

— Нас еще иногда джиннами называют. Но это всё байки. Мы не исполняем желания, и в масляную лампу нас при всем желании не получится утрамбовать, — улыбаясь, поведала мне нара. — Не отставай. Сейчас подберем тебе несколько книг, глядишь, что-нибудь и пригодится. А за учебниками, когда табель получишь, придешь.

Нара Тартино усадила меня за заваленный отобранными ею книгами стол у окна, пожелала мне удачи и уплыла на свое рабочее место. Оставшись наедине с книгами, я погрузилась в мир неизведанного и пришла в себя лишь тогда, когда за мной пришла Кико.

— У-у-у, подруга, — протянула кикимора. — Надо же меру знать. Ты бы себя видела. Бледная, как вампир на диете, и под глазами черно, как в желудке угольного тролля. Ну-ка вставай и отдай книгу. Вцепилась как пиявка, — ворчала девушка, вырывая из моих рук очередной трактат по преобразению временных рамок и последствиям вмешательств в прошлое. — Идем-идем, — ласково уговаривала она, обняв меня за плечи и выводя из читального зала. — Нара Тартино, вы, пожалуйста, эту нари в библиотеку в ближайшие два дня больше не пускайте, а то у нее от переизбытка информации срыв может приключиться, — обратилась она к библиотекарю, ведя меня мимо конторки, за которой восседала хвостатая паровик-джинн.

— Уж не под микстурой ли Обрино эта девочка? — подозрительно сощурилась женщина.

— Ну что вы, как можно? — возмущенно воскликнула Кико. — Просто невольницей была, книг не давали, читать запрещали, вот и дорвалась с непривычки.

— Ну, смотрите мне, — погрозила пальцем Тартино. — Знаю я вас, студентов.

— Ты видела ее хвост? — спросила я шепотом, когда мы покинули помещение библиотеки.

— Конечно, видела, — усмехнулась подруга. — А ты сейчас лучше помолчи. Пойдем, уложу тебя. Поесть что-нибудь позже принесу. И не вздумай к книгам прикасаться, а то совсем затеряешься.

Я покорно шла туда, куда вела меня соседка, плохо понимая, что происходит и где я вообще нахожусь. Перед глазами мелькали строчки, таблицы и графики, а в голове крутилась въедливая фраза «Следующая ступень после остановки времени — путешествия на короткие временные промежутки». Дальше было что-то о технике безопасности и обязательном сопровождении инструктором, но это меня сейчас мало заботило.

«Я обязана научиться путешествовать. И не на короткие промежутки, а на годы, чтобы вернуться в прошлое и не позволить господину Прожирани заявить на нас с мамой права, как

на неучтенных бродяжек», — эта мысль посетила меня уже в комнате, когда Кико уложила меня на кровать и заботливо укрыла одеялом.

И пусть главным непреложным законом является невмешательство в канву уже произошедших событий, если есть шанс спасти нас от рабской участи, то я должна попробовать.

Мне совершенно ничего не снилось, а проснулась я от жуткой головной боли. Но полученные знания все еще были со мной! И мысль исправить свою судьбу крепла с каждым часом. Нужно только немного потерпеть, научиться делать все правильно, и я смогу спасти нас с мамой. Теперь я была уверена в том, что сама остановила время в момент падения с четвертого этажа. А значит, нара Пифаро не обманула и у меня есть способности, о существовании которых я и не подозревала.

— Ну как ты? — поинтересовалась Кико, заметив, что я открыла глаза.

— Странно, — честно ответила я. — В голове одновременно столько информации и так ясно, словно она совершенно пустая.

— Ясная голова — это хорошо, — усмехнулась кикимора. — Но ты все равно из комнаты завтра не выходи.

Я мельком взглянула на окно и с удивлением отметила, что уже наступили вечерние сумерки.

— Да-да, ты проспала полдня, — подтвердила мои мысли подруга. — Вон на столе ужин. Хотя ты, наверное, знаниями сыта, — язвительно добавила она.

Я медленно встала, боясь головокружения, но за исключением навязчивой мигрени, мое самочувствие было вполне сносным.

— Спасибо, — поблагодарила я ее за заботу, садясь за стол.

— Не за что. Вот объемясь хмельных пиявок на праздник болотной нечисти, и тогда ты будешь со мной возиться, — пообещала подруга.

— Договорились, — улыбнулась я в ответ.

Еда опять горчила, но я старалась абстрагироваться от вкуса и глотать через силу, не понаслышке зная, что такое голодные обмороки. Господин Прожирани никогда намеренно не морил нас голодом, но случалось, забывал выделить обеспечение для питания своих невольников, и в первые годы нам с мамой доставались остатки от обедов хозяина, которыми уже полакомились другие слуги. В общем, ничего не доставалось. Это позже, когда бухгалтерию начала вести мама, невольникам стало полегче. Мама даже умудрялась сэкономить, чтобы купить теплую одежду для всех.

Очередной кусочек хлеба застрял в горле от неожиданного стука в окно.

Кико подскочила и принялась колотить меня ладонью по спине, отчего становилось только хуже. Глаза застилали выступившие слезы, в висках стучали тревожные молоточки, я же уже начала задыхаться, а подруга со все большим рвением колотила меня по спине.

«Я сейчас так глупо умру, так и не научившись всему, чему бы могла», — подумала я в панике, и избиение моей спины прекратилось.

Только откашлявшись и вдохнув полной грудью, я поняла, что остановилась не только Кико, замерло все вокруг! Взглянула в окно и увидела перепуганную веснушчатую мордашку рыжего Саламандрика, как называла его кикимора. В действительности парня звали Салимо, в честь славного предка, совершившего много подвигов, о чем поведал мне сам Саламандрик за завтраком. От неожиданного удара по спине я упала грудью на стол, прямо на тарелку с ужином.

— Ой, прости! — воскликнула Кико. — Ты как? Дышать можешь?

— С трудом, — прохрипела я, выпрямляясь и осматривая испачканную блузку.

— Ну и получит же у меня сейчас кто-то! Кто бы ты ни был! — возмущенно потрясая кулаком, проговорила соседка, направившись к окну.

— Он ни в чем не виноват, — проговорила я перед тем, как скрыться в ванной, чтобы привести себя в порядок.

Кикимора в этот момент затягивала в комнату несчастного Салимо, схватив бедолагу за шиворот.

Выйдя из ванной, я обнаружила парня, за обе щеки уплетающего мой потрепанный ужин и одновременно пытающегося что-то рассказать кикиморе с набитым ртом. Как ни странно, Кико прекрасно его понимала и взволнованно кивала головой в такт бубнящему Саламандрику.

— Что случилось? — спросила я, присаживаясь на свою кровать и расчесывая отмытые от еды волосы.

— Да ерунда, — отмахнулась подруга, наигранно изображая безразличие к тому, что рассказал парень. Салимо, к слову, смолк и бросал на меня взгляды исподлобья.

— Да в чем дело? — воскликнула я, не выдержав под испытующими взглядами присутствующих.

— Говорю тебе, она и сама ничего не знает, — проговорила Кико, обращаясь к Саламандрику.

— Как же, не знает она! — воскликнул парень, отодвинув пустую тарелку. — Вот ты же знаешь про своего отца и родовую магию. И я знаю. Как такое можно не знать?

— Юна, кто твой отец? — напрямую спросила у меня подруга.

— Он оставил нас с мамой, когда я была еще совсем маленькой. А что? — проговорила я, совершенно не понимая — что происходит.

— А то! — воскликнул Салимо. — Прикинулась бедной невольницей, а сама, оказывается, дочка нарая! А если бы я тебя обидел ненароком — наверняка правителю нажаловалась бы. Но я теперь буду с тобой настороже.

— Вообще-то ты сейчас обижаешь ее этими словами, — усмехнулась Кико.

Рыжеволосый Саламандрик надулся и замолчал.

— С чего вы взяли, что я дочь вашего правителя? — спросила я, не веря ни слову. Хотя бы потому, что мы с мамой вообще из другого мира, где царят технологии и совсем нет магии, как и других рас, кроме человеческой.

— Я случайно подслушал разговор ректора и куратора по учебной части, — пробурчал Салимо.

— Наверняка ты что-то перепутал, — улыбнулась я трогательному в своей непосредственности наро.

— А Громиро? — не унимался Саламандрик. — Не зря же он сразу на тебя глаз положил. Обратни божественную кровь на раз по запаху вычисляют. Она для них как нектар для пчелы. Не зря же все оборотнические кланы у нарая в услужении, не могут аромату его крови противостоять.

— Так, мало того, что вы меня обвиняете в родстве с неким нараем, так он еще и бог? — подвела я итог услышанного.

Затихшая было головная боль опять шевельнулась в затылке.

— Официально он, конечно, не признает себя богом, но все знают, что Амниос Хроно

— это бог времени, — пояснила Кико. — Иначе как бы он мог веками оставаться у власти, раз в поколение исчезая на несколько дней и возвращаясь помолодевшим. Он, естественно, выдает себя за сына предыдущего нарая и заново принимает пост. Но это только дань традиции.

— И он никак не может быть моим отцом, — проговорила я уверенно.

— Но я же слышал, — возмутился Салимо.

— Не умеешь подслушивать, так не берись! — заявила Кико. — Доел? Вот и замечательно, выметайся отсюда.

Саламандрик обиделся еще больше и пошел к двери.

— Куда? Откуда пришел, туда и иди! — приказала кикимора, указывая на окно.

Совершенно поникший парень вылез в окно и исчез из виду.

— Зачем ты так с ним? — спросила я у соседки.

— А затем, чтобы не вздумал еще кому-нибудь об этом рассказать, — ответила девушка, закрыв окно. — Дело в том, что ты действительно вполне можешь оказаться одной из нажитых. Любит наш нарай погулять. А если вся академия об этом узнает, то от желающих подружиться с тобой ради протекции отбоя не будет. Вот и пойми потом, кто настоящий друг, а кто подхалим.

— А что там насчет оборотней и крови? — спросила я, все же надеясь, что дракон ошибся.

— Можешь не переживать. Все заметили, что на тебя Громиро глаз положил, так что другие не посмеют даже подойти, как бы их ни манила твоя кровь, — ответила Кико. — Вот тебе одна книжка — и спать, — добавила она, доставая один из моих учебников из-под своей кровати. — Завтра нам с тобой моего совсем не божественного, но тоже весьма вредного папочку встречать.

* * *

Двумя часами ранее

— Здесь учится моя дочь, — объясняла Агуста привратнику. — Если мне нельзя пройти, то хотя бы позовите ее.

— Ничем не могу помочь, — уже в который раз отвечал мужчина. — Защита не пускает, значит, вам запрещено входить на территорию академии. А если запрещено входить, то есть причина, по которой студентку ограждают от общения с вами.

— Но это же моя дочь! Вы не имеете права! — чуть не плача возмущалась женщина.

— Я не имею права пойти против системы защиты академии, — монотонно отвечал привратник.

— Позовите ваше начальство! — потребовала Агуста.

— Вам не назначено. Если бы было назначено, то защита пропустила бы, — все так же безэмоционально проговорил мужчина.

— Да отомри же ты! — выкрикнула взволнованная нара. — Ты же человек, а не робот!

— Прошу не переходить на оскорбления неизвестными мне словами, — монотонно произнес мужчина. Подумал мгновение, наклонился к Агусте и прошептал: — Ну не могу я вас пропустить. Вы записочку напишите, я передам. А там пусть ваша дочь уже сама с

ректором разбирается.

— Спасибо. Спасибо вам, — прошептала женщина, доставая из сумки листок и карандаш.

Она быстро написала несколько предложений крупными буквами, свернула листок и протянула его привратнику со словами:

— Юнила Нарисо. Ее только вчера привели. Пожалуйста, передайте. Она не привыкла без меня, боится, наверное, всего.

— Передам, — пообещал привратник. — Ступайте, пока вахтенные не пришли.

Не успела Агуста скрыться из вида, как к привратнику подошел высокий зеленоглазый оборотень.

— Милейший, вы в курсе, что передавать студентам послания от кого бы то ни было строжайше запрещено? — поинтересовался наро Громиро, сверля служащего неприязненным взглядом. Рэндом Громиро, будучи истинным сыном своего отца, первого военного министра, не терпел нарушения устава, о чем всем служащим академии было прекрасно известно.

Привратник склонил голову и молча протянул вахтенному переданную взволнованной матерью записку.

— На первый раз прощаю, — произнес Рэндом, прочитав имя адресата на свернутом листке.

— Благодарю. Больше не повторится, — покорно ответил привратник.

Военных опасались все, а оборотней-военных тем более.

* * *

Ночью мне снились алгоритмы построения векторов путешествий на короткие временные промежутки. Смысл которых мне был ясен, но только в теории. Книги не могли дать практических умений, а учитывая тот факт, что я совершенно не чувствовала в себе сил, необходимых для применения этих алгоритмов, использовать полученные столь легким путем знания я не могла.

Проснувшись раньше Кико, я решила продолжить образование, пока не закончилось действие микстуры, и, подкравшись к кровати соседки, осторожно вытащила из-под нее несколько книг. Спустя полчаса я уже знала наизусть историю Амнистании и всего мира, который одни историки называли просто Асгаран, другие же использовали более витиеватое название — перекресток путей. Однако перекрестком Асгаран именовали только теологи, утверждавшие, что этот мир является неким ядром, объединяющим вокруг себя множество других измерений. И я была полностью согласна с этой теорией, ведь мы с мамой попали сюда именно из другого измерения.

Следующими на очереди были география и точные науки, в понимании которых у меня возникли некоторые проблемы даже под воздействием микстуры Обрино.

К тому моменту, когда кикимора проснулась и отобрала у меня учебники, неизученными остались всего три книги. Но и с ними я смогу ознакомиться после завтрака и уже завтра буду готова пройти аттестацию, чтобы начать обучение в академии и овладеть управлением временем.

— Сейчас я свожу тебя в столовую и запру в комнате, чтобы ты не выдала нас своей

ненормальной тягой к знаниям, — заявила Кико. — Вот пройдет действие зелья, и можешь делать что хочешь.

— Как скажешь, — легко согласилась я, намереваясь добраться и до учебников соседки.

Я понимала, что переизбыток информации может мне навредить, но не могла устоять перед манящими страницами, таящими столько нового и интересного.

Завтрак прошел в спокойной дружеской атмосфере. И лишь Салимо демонстративно игнорировал нас, пересев за другой стол, как только мы с Кико заняли свои места.

— Что-то здесь сегодня слишком тихо, — прошептала Кико, наклонившись ко мне. — Неужели Саламандрик разболтал-таки о твоём происхождении?

Я осмотрелась, но не заметила повышенного внимания к своей персоне. Только оборотни то и дело украдкой бросали на меня короткие взгляды. Все, но не Рэндом, наоборот, смотрящий на кого угодно, кроме меня.

— Не думаю, — ответила подруге. — Ты же говорила, что тогда от желающих подружиться со мной отбоя не будет, а сейчас никто не проявляет ко мне интереса.

— Значит, случилось что-то еще. А если в академии произошло что-то из ряда вон выходящее, то почему об этом не знаю я?! — повысила голос кикимора.

— Тихо ты, — одернула ее флегматичная мурена. — Справа от синей зоны. Посмотри.

Мы с Кико одновременно повернулись и посмотрели в указанном направлении.

Я ничего особенного не увидела, в отличие от подруги.

— Интересно, — протянула девушка, поправляя волосы. — И кто это у нас?

— Говорят, новый инструктор по практическим перемещениям, — мечтательно вздохнув, ответила мурена. — Но он, наверное, скрытый расист, потому что даже Элиланию Вольсо отшил в грубой форме.

Я еще раз посмотрела туда, куда, как оказалось, были устремлены взгляды большинства студенток, и наконец-то заметила сидящего за отдельным столом мужчину. Он был еще довольно молод, но явно старше студентов выпускного курса.

— А почему он ест здесь? — продолжила расспросы Кико.

— Не знаю, — пожала худыми плечами мурена. — Может быть, хочет со студентами познакомиться, а может, просто еще не знает, что у преподавателей своя столовая.

— Видела я ту столовую. Столичные рестораны по сравнению с ней — жалкие харчевни, — проворчала кикимора. — С ним точно что-то не так, если променял такую роскошь на это.

Кико взмахнула ложкой и обрызгала сидящих за соседним столом студентов, среди которых был и без того обиженный на нас Саламандрик.

— Ну все. Ты напророчила! — выкрикнул парень, вскакивая. — Думаешь, если с нажитой нарая подружилась, то все можно?

От Салимо начали исходить ощутимые волны жара. Мурена медленно сползла под стол и уже оттуда жалобно пропищала:

— У меня сейчас кожа потрескается.

Студенты быстро вставали из-за столов и спешили отойти подальше. Кто-то даже опрокинул стул. Разнесшийся по столовой грохот подстегнул учеников, и началась настоящая паника. Салимо окутало паром, но, видимо, что-то не сработало, и он не исчез, как в прошлый раз, а наоборот — начал увеличиваться, превращаясь в объятых пламенем дракона.

— Бежим! — выкрикнула Кико, схватив меня за руку и резко дернув. Я же окаменела от страха и просто упала от рывка.

В то же мгновение рядом со мной оказались одновременно Рэндом и тот таинственный мужчина, который только что был предметом обсуждения за столом.

Они подхватили меня под руки и рывком поставили на ноги. А инструктор параллельно еще и Кико схватил за шиворот.

— Выведешь! — крикнул мужчина, толкнув нас с подругой к Рэну.

Оборотню не нужно было повторять дважды. Он буквально выволок нас из столовой, закрыв за собой широкую двустворчатую дверь. Однако перед тем как створки захлопнулись, я успела увидеть мужчину, озадаченно взирающего на замершего и нависающего над ним огненного дракона. Салимо будто муха, залипшая в смоле, был абсолютно недвижим. А самым удивительными во всей этой картине были замершие вокруг дракона языки пламени. Таинственному инструктору удалось остановить время в отдельно взятом незамкнутом пространстве, ограниченном только его собственным желанием. Из прочитанных накануне книг я совершенно точно знала, что подобное доступно единицам. Время — слишком сложная, трепетная материя. Чем меньше площадь манипуляции, тем труднее им управлять. Остановить время в ограниченном стенами помещении гораздо проще, чем в одной из частей этого же помещения. Однако это возможно. Что и продемонстрировал новый инструктор.

— Ты видел? — возбужденно воскликнула кикимора. — Нет! Ну ты это видел?!

— Видел. А еще я видел, как ты опять довела нестабильного дракона, — зло проговорил Рэндом. — И слышал, что сказал этот дракон перед трансформацией.

После этих слов оборотень перевел требовательный взгляд на меня.

Я же лишь растерянно пожала плечами.

— Нашел, кого слушать! — воинственно воскликнула подруга, оттесняя меня подальше от зеленоглазого наро. — Это же Саламандрик, у него вечно полный бардак в голове. Приснилось невесть что, вот и сморозил глупость. Вернее, брякнул сторяча.

«Всем студентам разойтись по своим комнатам. Первая пара отменяется», — разнесся по академии голос хранителя.

Кико попыталась приоткрыть дверь в столовую, но она оказалась заперта.

Рэндом же отвел меня в сторону и протянул какой-то листок.

— Не знаю, чем ты провинилась, но защита академии не пропускает к тебе посетителей, — произнес он.

Взять листок я не успела, его выхватила из руки Рэна подоспевшая Кико.

— Ты что, в детство впадать начал? Записочки девушкам пишешь? — язвительно поинтересовалась она.

— В свою комнату, живо, — рыкнул наро нам обеим.

— Что там? — спросила я у соседки, когда она остановилась посреди лестницы, читая записку Громиро.

— Ничего, — пробурчала девушка — В комнате отдам. Здесь тебе сейчас лучше не читать.

Позже я поняла, почему она не отдала мне листок сразу. Стоило мне только взять в руки послание, как я почувствовала все переживания и тревогу мамы, которые она испытывала в тот момент, когда писала эту записку. Волнение и вина за то, что я так легко забыла про нее, закрутившись в вихре нескончаемых событий, навалились тяжелым грузом и буквально придавили меня к кровати.

Я сидела, смотрела на записку и могла думать лишь о том, что сегодня же должна увидеться с мамой, чтобы успокоить ее, рассказать, что у меня все хорошо и что я со всем

справлюсь.

Кико подошла и села рядом со мной.

— Я провожу тебя в ректорат. Наверняка произошла какая-то ошибка, и твоей маме откроют доступ на территорию, — тихо произнесла она.

— Идем, — уверенно проговорила я, вскакивая с кровати.

— Нет, сейчас туда лучше не соваться. Им сейчас не до нас. Подождем, пока с Салимо разберутся, — отрицательно покачала головой кикимора.

Но до ректората мы так и не дошли, даже спустя час. До двери, табличка на которой гласила «Ректорат», оставалось всего несколько шагов, когда эта дверь с треском отворилась и из нее вышел высокий широкоплечий мужчина с экзотическим буро-зеленым цветом длинных, прихваченных черной лентой на лбу волос.

— Папа, — прошептала соседка и попятилась.

— Это не академия, а притон! — громогласно объявил мужчина идущей следом за ним нара Ишаро. — И вы еще смеее упрекать мою дочь за то, что она использует родовую магию для защиты. Если у вас тут огненные драконы перевоплощаются посреди завтрака, то чего можно ожидать вечером, когда студенты предоставлены сами себе?

— Это редкий, можно сказать — не имеющий прецедентов случай, — оправдывалась ректор. — Уверяю вас, в стенах академии Хроноса вашей дочери ничего не угрожает.

— А вот мы сейчас у нее и спросим, — заявил мужчина, увидев нас с Кико. — Колоро, дочь моя, подойди и поздоровайся с отцом как положено.

Кикимора склонила голову, подошла к отцу и встала перед ним на колени. Даже нас, бесправных невольниц, никогда не заставляли вставать на колени. Господин Прожирани требовал только, чтобы мы кланялись и не заговаривали с ним без дозволения. Кико же была дочерью этого великана, а не рабыней!

— Встань и расскажи мне, что заставило тебя призвать силы нашего рода, — приказал кикимор.

— На меня напали эльфийки с жезлами природной силы, — встав, но по-прежнему смотря себе под ноги, проговорила подруга.

И она даже почти не солгала, только умолчала о некоторых деталях конфликта с беловолосыми красавицами.

— Что? — спросил отец Кико. — У вас еще и расовое оружие допускается?

Возмущению кикимора не было предела. Под его гневным взглядом даже нара Ишаро инстинктивно отступила. Но ректор вовремя опомнилась, вспомнив, что она здесь главная, и гордо вздернула подбородок. Однако проскальзывающее в ее речи шипение выдавало крайнюю степень волнения.

— Эльфийские жезлы природных сил — это не оружие, а источник магической подпитки для находящихся вдали от родных земель студенток, — проговорила нара Ишаро.

— То же самое можно сказать и о родовой магии кикимор, тоже находящихся вдали от родных болот, — возразил ей отец Кико. — Однако ушастым... эльфам вы позволяете пользоваться их искусственными приспособлениями, мою же дочь обвинили в нарушении правил академии за то, что она в трудную минуту обратилась к своим естественным силам. Это дискриминация. И что скажет на это ваш нарай, пропагандирующий лояльность по отношению ко всем расам, населяющим Асгаран? Пожалуй, я сегодня же спрошу его об этом, при личной встрече.

— Ну что вы. Не стоит лишний раз тревожить нарая Хроно из-за такого пустяка. Мы с

вами вполне можем и сами решить это недоразумение, — подхватив мужчину под руку, принялась увещевать Ишаро. — Девочки, идите на занятия, — добавила она приторно-ласковым тоном.

— Иди, дочь. Я зайду к тебе позже, — произнес кикимор, с явным удовольствием кладя свою широкую ладонь поверх миниатюрной ручки ректора, вцепившейся в его локоть.

— У меня есть великолепные хмельные пиявки. Как раз для вас припасла, — игриво проговорила нара Ишаро, уводя мужчину обратно, в помещение ректората.

— Как же удачно Саламандрик сорвался, — расплылась в улыбке подруга. — Папочка наверняка даже попрощаться не зайдет.

— Неужели тебе его совсем не жалко? — спросила я у довольной кикиморы.

— А почему я должна его жалеть? Он мне прямо сказал, что я ему не нужна. Если бы родился сын, то признал бы, а очередная кикимора ему на Загорских болотах ни к чему. И мне тогда, между прочим, всего восемь лет было. Прибежала обнять наведывающегося раз в год папочку, а он меня как мавку оттолкнул, — обиженно ответила Кико.

— Прости. Но я имела в виду Салимо, — чувствуя неловкость, пояснила я.

— А этого неуравновешенного последыша я тем более жалеть не собираюсь! — воскликнула соседка. — Знала бы ты, сколько он мне нервов испортил в первый год. Я пришла сюда скромной, забитой девочкой, а он тогда был единственным огненным драконом на всю академию и считал, что выше всех по положению. Так вот, этот твой несчастный Саламандрик заявил, что я буду с ним встречаться, потому что он так хочет. Это потом, когда он на следующую ступень роста перешел, выяснилось, что он нестабильный, с кровными отклонениями, доставшимися от далекого предка-орка, изнасиловавшего его прапра и так далее бабу. А первые месяцы обучения я от него по подвалам скрывалась и в столовую раз в два дня ходила, когда голова от голода кружиться начинала. Тогда-то я и научилась защищаться.

— Мне жаль, — прошептала я.

— Ничего, зато теперь никто не посмеет меня обидеть! — воинственно произнесла Кико. — Ладно, ты иди в комнату и смотри мне — книгами не злоупотребляй, а я на занятия пойду.

Подруга убежала, а я, дождавшись, когда она скроется за поворотом коридора, развернулась и пошла обратно, в ректорат. Записка от мамы жгла карман платья, словно горящие угли.

Подойдя к двери с табличкой «Ректорат», осторожно постучала. Ответа не последовало, и я постучала сильнее. Но мне все равно никто не ответил. Несмело приоткрыла дверь и отшатнулась от вырвавшегося из-за нее шума. Странно, а ведь казалось, что в помещении вообще никого нет, такая стояла тишина за дверью. Сейчас же были слышны десятки что-то громко обсуждающих голосов. Входить было страшно, но я обязана добиться разрешения на встречу с мамой! Моего появления в просторной комнате никто не заметил. Но все мгновенно смолкли, когда откуда-то из-под потолка раздался голос духа-хранителя.

«В аудиториях номер восемь, одиннадцать и двадцать три несанкционированное использование магии. В лаборатории номер три беспорядки», — известил хранитель.

Одна из нескольких расположенных в другом конце помещения дверей распахнулась, из нее вышла нара Ишаро и громким, не терпящим возражений голосом произнесла:

— По рабочим местам! Живо!

Вот теперь меня заметили все, потому что преподаватели устремились к той двери,

перед которой я и стояла.

— Кто такая? — спросил высокий светловолосый эльф в кожаном жилете на голое тело и некоем подобии юбки поверх облегающих штанов.

— Что за моветон, Элиорит? — воскликнула низенькая женщина с большими раскосыми глазами и необычным, сиреневым, оттенком кожи. — Не пугай малышку своим напором.

— Я вас умоляю, Франтиндель, это же студентка академии Хроноса, ее мышцами и длинными локонами не испугаешь, — усмехнулась женщина в строгом костюме. В ее носу сверкала драгоценным камнем маленькая серьга, а на голове красовался металлический обруч, испещренный какими-то письменами. — Вы к кому, нари? — поинтересовалась женщина с серьгой.

— К ректору, — тихо ответила я.

— Удачи, — усмехнулась нара, оттесняя меня от двери.

Большая часть преподавателей покинула помещение. Остались лишь две женщины, тихо беседующие за столом в углу комнаты, и тот самый мужчина, который утром бросился защищать нас с Кико в столовой.

— Слушаю вас? — вопросительно произнес именно он.

— Я хотела поговорить с ректором Ишаро, — совсем неуверенно ответила я.

Дверь, из-за которой недавно выглядывала нара Ишаро, отворилась, из кабинета вышла пожилая низенькая особа в смутно знакомом мне зеленом костюме и башмаках с большими пряжками. Поставив на ближайший стол пустой поднос, лепрекон воззрилась на меня строгим взглядом и поинтересовалась:

— По какому вопросу?

— Мне нужно поговорить с ректором, — затравленно проговорила я.

— Это я и так поняла. О чем именно вам нужно побеседовать с нарой ректором? — не желала уступать женщина-лепрекон.

— Возможно, я смогу вам чем-то помочь? — вступил в разговор мужчина из столовой.

— Вы здесь первый день, нар инструктор, и не знаете наших порядков, — строго произнесла лепрекон.

— Что не мешает мне проявить вежливость и предложить помощь, уважаемая секретарь Лоприо, — не менее строго ответил мужчина.

— В любом случае, ректор сейчас не принимает, — недовольно пробурчала секретарь и отошла к рабочему столу, заваленному папками с какими-то бумагами.

— Так чем я могу вам помочь? — повторил вопрос инструктор.

Я не знала, как объяснить, и просто отдала ему послание от мамы. Там было всего несколько строк о том, как она переживает, что ее не пропускают на территорию академии, и решать этот вопрос придется мне.

— Как давно вы обучаетесь в академии Хроноса? — поинтересовался нар, прочитав записку.

— Я приехала позавчера и еще не начала учиться, — честно ответила я.

— Какая раса? — продолжил расспросы мужчина. — Я не вижу четкого рисунка ауры. Ваша личность под защитой?

— Я человек и ничего не знаю про защиту, — совсем растерялась я.

— Простого человека не зачислили бы в магическую академию, — усмехнулся инструктор. — В вашем деле много пробелов, но думаю, я смогу помочь. Вашей матери

запрещен вход на территорию академии, но вам-то покидать ее пределы можно, — тихо добавил он. — В данном случае я могу предположить, что дело не в вас, а именно в ней. Защита по какой-то причине не пропускает ее.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, поняв намек нара.

— Не стоит благодарности, — учтиво ответил он.

Я попрощалась и поспешила в свою комнату, чтобы успеть до обеда дочитать учебники. А после обеда я отправлюсь в гимназию Мгновений и увижусь с мамой!

Но мне опять помешали. Из глубин познания меня вырвал резкий стук в дверь. Едва я отложила учебник, как дверь отворилась и в комнату вошел наро Громиро.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Нар — обращение к мужчине. Нара — обращение к женщине. Нари — обращение к девушке/девочке. Наро — обращение к юноше/мальчику. Нарай — обращение к правителю Амнистании.